

ИСКУССТВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ИСКУССТВЪ, ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Томъ III.

Контора журнала помѣщается:
на Вас. Остр. 5 лин., д. № 10, кв 2.

24 апрѣля 1877 г.

Цѣна за годъ, съ пересылкою, 10 р.
Въ отдѣльной продажѣ за номеръ 30 к.

№ 17.

Киргизъ охотникъ съ беркутомъ,
со статуэтки Лансера.

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

(Глѣва Успенскаго).

(Продолженіе).

II. Добренскій старичекъ.

Войдя въ общую залу, добренскій старичекъ, не утрачивая сарказма губъ, усердно, благоговѣнно и долго молился въ уголь и, помолившись, поклонился нѣсколько разъ въ разныя стороны и потомъ сталъ въ отдѣльности отвѣшивать низкіе и почтительнѣйшіе поклоны, разнымъ уважаемымъ знакомымъ, конторщику, буфетчику, (буфетъ былъ очень скуденъ, кромѣ самовара, кучки папирозъ и двухъ-трехъ бутылокъ водки и наливокъ ничего на немъ не было) и т. д. при каждомъ поклонѣ присовокупляя— „отцу и благодѣтелю“, просто благодѣтелю, и— „высоколѣпнѣйшему господину владѣтелю и т. д.“. Почтеніе, уваженіе, благоговѣніе, изображаемая всею покорною фигурою и главное искреннѣйшими нотами голоса, казалось переполняли сердце этого добренскаго человѣчка, но широкая, чертовская улыбка, невольно навела на мысль, что тутъ что-то не такъ...

— И что же это вы благороднѣйшій господинъ, не отдохнули-то? вновь засоболѣзновалъ онъ, когда мы усѣлись за чай...

— Хозяинъ сказалъ, что запираетъ!

— Запираетъ?.. Какая у человѣка доброта!.. Подивись-ко ты, обратился онъ къ буфетчику, — сколь добръ и благороденъ нашъ владѣтель!

— Родивонъ Ивановъ? (разбойникъ хозяинъ).

— Кто же другой у насъ владѣтель есть?.. Чудакъ ты, Божья душа! Ну какое благородство, какъ умѣетъ цѣнить добраго человѣка... Посуди это. Иванъ Ивановичъ Изотовъ пріѣхалъ— требуетъ номеръ,— а номеровъ нѣтъ.. Что жъ онъ? Взялъ вотъ, да и вытѣснилъ ихъ!...

Онъ указалъ на меня и прибавилъ:

— Ужъ этотъ за хорошаго, за правильного человѣка,— ужъ этотъ постоитъ!.. И деньги съ нихъ взялъ, а вытѣснилъ!..

— Что жъ это такое? подумалъ я, старикашка начинаетъ расточать похвалы (все тѣмъ же задушевнымъ, раболѣпнымъ голосомъ) надувалъ, который взялъ съ меня деньги и надулъ, заставивъ уйти, чтобы отдать номеръ другому. Я поглядѣлъ на старикашку какъ на плута или сумашедшаго.

— Да какъ же-съ? какъ бы понялъ меня, и отвѣчая словами на мой презрительный взглядъ, заговорилъ старикашка. Какъ же не умѣ-съ и не благородство-съ? Вѣдь это надо какъ—кую имѣть любовь къ человѣку,—чтобъ напимѣрь, взять, да этакъ вотъ какъ съ вами... А это означаетъ, что человѣкъ вѣрный... Господину Изотову тѣсно, — сосѣда вонъ! Потому господинъ Изотовъ обстоятельный человѣкъ, помочь его сиротамъ... Видѣли у него тамъ дѣвочки одинокія?.. Ну помогаетъ... Такого человѣка надобно, уважить. Это и въ законѣ сказано.

И онъ взглянулъ на меня совершенно свинцовыми глазами.

Не понималъ я старикашку.

— А хорошо торгуетъ Родивонъ Ивановичъ? спросилъ я.

— Вотъ какъ Господь ему далъ,— что не надо лучше! Господь батюшка, Отецъ Всевышній,—

очень награждаетъ страдателей... Родивонъ Ивановичъ-то въ острогѣ, ангель ты мой небесный, ровно десять лѣтъ пробылъ,— да-а! за убіеніе!.. Матушка!.. Легко-ли невинно-то пострадавшему?.. Вотъ Господь-то ему и далъ... Я подчиненный, я цѣлый день въ навозѣ, въ гоньбѣ, иной день и крохи не видишь — а радуюсь Господнему произволенію! Стало быть ужъ слыше это... А какъ же?.. И какой ему Господь далъ умъ—Боже милостивый!.. И сердце...

— Ну ужъ, перебилъ я его, какое у вашего Родивона Ивановича сердце, — онъ показался мнѣ чистымъ разбойникомъ...

— И-и-и! взглянувъ на меня съ внезапно мелькнувшей улыбкой, проговорилъ онъ почти съ испугомъ... Что вы сказали! какое слово!.. Родивонъ-то Ивановичъ?—Да это купель целѣбная?.. Какъ же!.. Теперича бѣдные крестьяне нищѣ, придуть къ нему— „дай! дай!“ то соли, то хлѣбушка, то деготьку... „Возми!“ (это слово онъ сказалъ съ наивностію дитяти) возми, говорить— и даетъ! все даетъ, только увспроси у него съ чистымъ сердцемъ, все дастъ!.. По полугоду довѣряетъ,— (протянулъ онъ) — вотъ что я тебѣ скажу-у! Гдѣ-же тутъ разбойникъ?.. Все у него по книгамъ пишется, все цифрамъ,— всякая пещинка, чужаго не надо ему, — и беретъ все... Съномъ беретъ, яйцами беретъ, всѣмъ получаетъ,— что у крестьянина есть — ни чѣмъ не пренебрегаетъ и не гнѣваетъ Господа. «Давай, говоритъ, милый мой, дорогой, все гадки, вынимайко, что тамъ?.. „Лукъ!“ — давай! — Да немного... — Давай, все зачтется... все!.. Вотъ какъ деликатно... А ужъ чисто, какъ ужъ чисто идетъ въ расчетахъ, какъ облупленное яичко!.. Вотъ тебѣ разрѣжь меня на мѣстѣ, ежели на ногу солгалъ! Вотъ какой человѣкъ!..

— Это кто же остается облупленнымъ яичкомъ?

Глаза у него опять стали изъ черныхъ свинцовыми и угломъ ядовитыхъ губъ онъ проговорилъ;

— А это по окончаніи расчета... То есть дѣло то выходитъ очень чистое... какъ облупленное яичко... Благородно, то есть ужъ очень дѣло то идетъ!..

— Да вы смѣтаете! не вытерпѣлъ я... Вы сами считаете его за разбойника... Зачѣмъ это вы все Бога-то путаете?

— Я то смѣюсъ? Да околѣть мнѣ, ежели я посмѣю! Господь тебя помилуй? Что ты? Да кто я? Червь ползающій,— и я дерзну? Вѣдь я мразь!.. Посуди ты самъ... Да благодѣтеля-то я своего буду?.. И-и-и, что только сказалъ! Онъ меня питаетъ, онъ меня упокоиваетъ, — да я буду Господа Бога гнѣвить?..

Старикашка сталъ молится на образъ...

— Мы что? заговорилъ онъ опять, усѣвшись противъ меня. Мы всѣ въ рудѣ Божій... И за все мы должны быть благодарны... И вотъ я благодарю, потому Господь всю жизнь мою сохранялъ меня и наставлялъ... И я помню это... Что я такое? Не было, ангелочекъ, у меня ни отца ни матери... Кака-то должно быть проклятая собака меня подкинула... Истинно собака,—нѣчто мать такъ можетъ? Песъ только такъ дѣлаетъ,— а не мать! (гнѣвные ноты вдругъ зазвучали въ его голосѣ и жестокая злость сверкнула въ глазахъ)... Такъ я и полагаю, что я отъ пса рожденъ, отъ сквернаго, но въ человѣческомъ образѣ... Подкинулъ меня этотъ песъ прямо въ лужу, въ канаву, напимѣрь, ангель ты мой великолѣпный, слѣдовательно чтобы я издохъ напимѣрь... Анъ Господь-то и не попустилъ!..

Старикъ опять всталъ и помолился.

— Анъ матушка моя,— и спасенъ я Господомъ сталъ!.. Вотъ гдѣ премудрость-то! И поглядите, какъ все вышло. Ямщикъ (въ то время

не было еще машинъ и въ поминѣ) первый богачъ по тракту, семь разъ возилъ Императора, медаль имѣетъ; вотъ онъ, богачъ-то этотъ и найди меня въ лужѣ, сжалился и взялъ... Ну какъ же мнѣ Господа-то неирестанно не помнить? Подумайко, бросили меня дитя малое въ лужу; свинья бы съѣла, грязью бы захлебнулся...

Слезы вдругъ покатались у него градомъ, по длинному ядовитому носу, по сморщеннымъ злою улыбкой щекамъ. Онъ замолкъ, расслабъ. Вдругъ мнѣ стало ясно, что это глубоко несчастный человѣкъ, что онъ такъ обиженъ, и должно быть такъ придавленъ неправдой, что и самое негодованіе свое на всѣхъ и на вся, можетъ высказывать только въ самой приниженной, самой ласковой формѣ.

Мнѣ вдругъ стало его ужасно жалъ...

Слезы хлынули изъ глазъ его такъ внезапно, такъ обильно, что казалось онъ и самъ былъ изумленъ этимъ явленіемъ, потому что употреблялъ всѣ силы, чтобы остановить ихъ, подавить этотъ приливъ горя: онъ глоталъ, буквально глоталъ рыданія, рвавшіяся наружу и даже губы стискивалъ, какъ бы глотая громадные куски. При такихъ усиліяхъ старику дѣйствительно удалось овладѣть собою необыкновенно скоро. Точно онъ завернулъ кранъ, изъ котораго полились слезы, и лице, хотя еще и мокрое, вновь приняло обычное фальшиво-неискреннее выраженіе.

— Попалъ я, по Господнему повелѣнію, къ хорошему человѣку... То-то заболѣлъ-то обо мнѣ благодѣтель, дай ему Богъ царство небесное! Что я? Сирота, выбросокъ,— что онъ? Богачъ, капиталистъ, (что серебра, что имущества, жемчугу, — и-и! Боже милосердый),— мало-ли человѣку заботъ, эдакому-то основательному-то? А и то онъ, милосердая душа, помнилъ обо мнѣ, пріучалъ къ дѣлу, училъ разуму... Съ шести лѣтъ, другъ любезный я ужъ и дровецъ принесу, и полы подмету и печку истоплю, и свиней пасу,— да-а!.. Вотъ какъ благодѣтель-то старался для пользы моей! Чтобъ я узналъ безъ него? Голодная смерть, одно!.. А онъ меня наставлялъ и вразумилъ... И дай ему Господи, чтобъ ему могилка была легка!.. Билъ онъ меня много,— а почему? На пользу! Безъ этого нельзя! Какъ я отъ пса рожденъ, то и характеръ у меня псинный, сабачій былъ,— безъ палки ничего-бы не было... И билъ! И дай Богъ за это царствіе небеснаго! И голодомъ морилъ, въ холодную конюшню запиралъ,— и это все отъ добраго сердца.

— Сколько вамъ было лѣтъ-то?

— Какъ въ конюшню-то запирали?

— Да.

— Седьмой годокъ, ангель ты мой, седьмой, ужъ я въ ту пору былъ вполне мужчина... какіе года!.. И характеръ ужъ во мнѣ явствовалъ безобразный, вотъ благодѣтель-то и принялся искоренять его... Истинный мой отецъ... вотъ какъ я скажу...

— Право, неужели вы все это не лжете, то есть, что хвалите, восхищаетесь этими отцами? вѣдь неправда это, вѣдь это жестокіе все люди? Вѣдь вы такъ думаете? Не правда-ли?

— Ни во вѣки вѣковъ! Позволяется-ли нашему брату этакъ дерзко понимать? ахъ, вы господинъ благородный! Нешто это есть жестокость, коль скоро сироту берутъ подъ свой кровъ и учатъ уму разуму? Вы позволите мнѣ досказать дальше, что за человѣкъ...

— Это вашъ благодѣтель-то?

— Благодѣтель-то-съ, да-съ... По вступленіи моемъ въ возрастъ... (и что только за умъ у него!..) по вступленіи въ возрастъ дѣлаетъ онъ запись такъ, чтобы быть мнѣ у него въ работникахъ до двадцати пяти лѣтняго возраста. Коль скоро онъ мнѣ сдѣлалъ столько благодѣній,

нарекъ имя, вскормилъ, вспоилъ,—не токма до двадцати пяти лѣтъ, — а весь вѣкъ долженъ быть я ему рабъ... Такъ это понимаю, и Господь такъ указалъ... А онъ только двадцать пять... Да что!.. Жени-иль, да жениль-то на красавицѣ, да на моей самой желанной любви!.. Вотъ ты посуди! Не отецъ-ли? Не благодѣтель-ли? Ангелъ небесный, не человекъ это... Чѣмъ я ему заслужу, сирота, нищій? „Прикажи“ говорю. Повелѣлъ ѣхать въ Зарайскъ, наблюдать извозъ... У него было много трактовъ. Хотъ въ воду бы пошелъ, — не то, что въ Зарайскъ; въ потѣ лица я работалъ ему три года, и Господь меня наградилъ, очень наградилъ щедро. Пришелъ я къ супругѣ домой, а у меня милый ты мой, трое дѣточекъ, хорошенкѣе ангельчики... Видишь какъ премудро? Что я былъ? мразь, пометъ, а вышелъ и человекъ, и жена у меня любимая, и дѣтки... Вотъ мнѣ и хорошо стало на душѣ-то, весело таково. Да и благодѣтель-то мною доволенъ, — да и я то радъ, вѣдь мои дѣтки-то, какъ ты думаешь? Вѣдь жена то моя?.. Ну и дѣтки стало быть мои... И таково мнѣ было хорошо въ ту пору, что хотъ еще контрактъ-бы заключилъ со старикомъ-то... И ужъ умомъ не сообразить, за что только Господь прогнѣвался на старика? Сгорѣлъ вѣдь! до тла сгорѣлъ... Въ самой тотъ день, какъ пришло-то я, какъ обрадовался-то, — въ тотъ самый день и сгорѣлъ!

Какъ сверкнули глаза старикашки!

— То есть такъ сгорѣлъ, — ни нитки не осталось! Серебро — и то скупилось въ комки и перегорѣло, деньги, все, все въ прахъ въ одну ночь... Что вотъ съ премудростію сдѣлаешь? Обезумѣлъ старикъ! „Въ острогъ тебя, это ты! Это ты за жену, что дѣти безъ тебя родились...“ Запряталъ меня, добрая душа, въ тюрьму... Не ропщу, видитъ Богъ! Съ такою бѣды потеряешь рассудокъ. За жену? Я долженъ радоваться, а не поджигать... За что мнѣ за жену? Вѣдь у моей жены и дѣти же мои, слѣдовательно чтожъ мнѣ? Окромѣ какъ ручки у него, у благодѣтеля, цѣловать и дѣлать нечего... Явно помутился старичокъ, — и Господь ему прости! И безъ ропота я высидѣлъ въ заключеніи многія лѣта... А какъ вышелъ я съ подзрѣніемъ, то было у меня ужъ пять человекъ дѣтей, да трое умерло, жена сказывала... Старикъ все не оставлялъ, питалъ, дай Богъ ему райскихъ радостей, покоилъ... Что осталось отъ пожара, — харчилъ на нее... Добрая душа... А простить не простилъ, прогналъ... Вотъ я и странствовалъ... То тамъ, то сямъ; и вездѣ мнѣ Господь благодѣтелей посылалъ, .. И учителей... Много по моей спинѣ палочья, да кулачья прошло... Да и какъ-же? Безродный, да изъ острога? Этого человекъ и пустить страшно въ домъ... А они, благодѣтели-то, хотъ и били, а моими погаными трудами небрезгали... Дай Богъ имъ всемъ пирога съ кашей.. Ну какъ же мнѣ роптать-то? На кого жъ мнѣ жаловаться другъ ты мой, благородный господинъ!.. Вотъ теперь хотъ Родивонъ Ивановичъ, да нешто это не райская птица? Это есть мой защитникъ... Шесть рублей въ мѣсяцъ, и харчи, беззубому старику, вѣдь это только ужъ истинно ангельская доброта можетъ.. и я для него ни дня, ни ночи не знаю покою.. Вотъ теперь я съ тобой говорю, а ночь мнѣ ни—ни... глазъ не сомну, у меня тыщи дѣлъ на рукахъ...

— А жена-то гдѣжь ваша?

— А жена, само собой, при мужѣ-съ.

— Т. е. при васъ?

— На моемъ содержаніи, а моя жена, доложу вамъ, имѣетъ въ себѣ большой умъ. Ей Господь за ея доброту, очень много послалъ ума... Поэтому случаю она ужъ со мной въ союзъ не вступила. Съ острожнымъ? Это даже

и по закону не дозволяется должно быть.. Не вступила. И чтожъ? Дай Богъ ей здоровья, ребята худой примѣръ былъ-бы ежелибъ вступила-то. Сами судите. И хорошо-ли это слышать: отецъ острожный? Вотъ она, — какъ имѣетъ умъ, и ожесточилась противъ меня. Такъ меня и зоветъ острожнымъ, будто бы что я поджогу, и денегъ ея стариковыхъ лишилъ... И дѣтямъ внушаетъ... Какъ истинная мать... Ну я и не беспокою; пуще всего благодаренъ, что дѣтей моихъ воспитала благородно, за это я ей все чисто, что есть отдамъ и посеючасъ отдаю все. Побывалъ я разокъ въ своемъ семействѣ, полюбовался... Старшій сынъ ужъ большой теперь, въ цѣловальники хотеть, какъ меня обрадовалъ.

„—Вы, говоритъ, тятенька разбойство съ нашей фамиліей сдѣлали. Черезъ васъ мы все несчастны!“ И довольно фундаментально доказалъ мои злодѣйства. Порадовался я. Далъ и ему Господь Богъ умъ значительный. И за это также мнѣ благодарить надо. И благодаренъ...

Такимъ-то вотъ тономъ старикъ говорилъ со мной еще покрайней мѣрѣ часъ. Болѣе несчастной и ужасной жизни мнѣ не удавалось встрѣчать никогда и, разставшись съ нимъ, я невольно подумалъ о томъ, какими-какими иной разъ приятными, ласковыми формами, не прикрывается горе и какъ стало быть много этого горя!

Г. Успенскій.

Иллюминація.

(Изъ воспоминаній добровольца).

I.

Ночь была теплая и довольно свѣтлая. Впереди виднѣлись огни турецкихъ аванпостовъ; порой доносились оттуда неясные звуки человеческихъ голосовъ и лошадиного ржанія. Въ нашей бригадѣ, стоявшей въ центрѣ позиціи, была полная тишина. Тишина эта чувствовалась еще, такъ сказать, осязательно послѣ довольно шумной офицерской пирушки въ палаткѣ бригаднаго командира маіора Б—ва. Для одного изъ уѣзжавшихъ въ Россію офицеровъ устроенъ былъ прощальный пикникъ и на немъ подгулявшая компанія порѣшила завтра, для окончательныхъ проводовъ, сдѣлать *иллюминацію*. Все безъ исключенія офицеры, бывшіе на пирушкѣ, съ большою радостью согласились принять участіе въ иллюминаціи, такъ какъ ужасно соскучились, простоявши передъ тѣмъ чень долгое время въ полномъ бездѣйствіи лицомъ къ лицу съ турками; а многіе, кромѣ того, ни разу еще не были въ дѣлѣ и жаждали поскорѣе испробовать впечатлѣнія боя. Рѣшено было изъ охотниковъ отъ всей бригады составить роту въ 200 человекъ при полномъ составѣ офицеровъ, и этою ротою сдѣлать нападеніе на передовую турецкій шанецъ. Разсчитывали, что, въ случаѣ удачи, главнокомандующій волей-неволей пошлетъ въ дѣло резервы и мы, такимъ образомъ, крѣпко поколотимъ турокъ. Въ то время главнокомандующимъ не были довольны за его излишнюю осторожность и нерѣшительность, въ особенности русскіе офицеры.

Итакъ, была полная тишина. Не слышалось ни пѣсенъ, ни шутокъ. Наскорю сформированная изъ охотниковъ рота расположилась нѣсколько впереди позиціи и тихо изготовлялась къ завтрашнему бою, кто чистилъ ружье, кто укладывалъ патроны въ сумку, кто переобувался, почти на всѣхъ лицахъ замѣтно было тяжелое ожиданіе. Въ ротѣ было десятка два добровольцевъ. Между ними можно было замѣтить и отставныхъ русскихъ солдатъ, серьезныхъ, коренастыхъ, съ щетинистыми усами и съ длин-

ными, вмѣсто бородъ, колючками, смотрѣвшихъ рѣшительными богатырями; у нѣкоторыхъ изъ нихъ виднѣлись на груди георгиевскіе и кавказскіе кресты и разные медали. Присутствіе этихъ людей въ ротѣ производило, впрочемъ, весьма ободряющее впечатлѣніе. Невольно чувствовалось, что они въ самомъ сильномъ огнѣ будутъ стоять хладнокровно и неподвижно и тѣмъ одушевлять не очень храбрыхъ. Были тутъ, между добровольцами, и такія лица, которые ни о чемъ не помышляли и, казалось, не вѣдали, что ожидаетъ ихъ на завтра, личности если и не темныя, то во всякомъ случаѣ свойствъ неопредѣленныхъ, попавшія въ Сербію и главнымъ образомъ сюда, на позицію, судьбами, извѣстными развѣ одному создателю. Изрѣдка кѣмъ-нибудь изъ нихъ произносилось крѣпкое русское слово, неизвѣстно по какой причинѣ и неизвѣстно для кого предназначенное; чаще же всего слышалось: „момче — ракі!“ Въ средѣ добровольцевъ, между прочимъ, было нѣсколько человекъ совѣтъ еще мальчишескихъ, 15—16 лѣтъ. Грустно было смотрѣть на этихъ дѣтей, сидѣвшихъ и лежавшихъ на позиціи наканунѣ первой битвы. Въ ихъ глазахъ ясно читалось томительное чувство ожиданія великаго въ жизни событія, ожиданія неизвѣданныхъ еще впечатлѣній. Сосредоточенно-печально смотрятъ они на это усѣянное мириадами звѣздъ небо и ужъ навѣрное въ головы ихъ крадется мысль, что можетъ быть послѣдній разъ въ жизни видятъ они эти звѣзды, эти клочки облаковъ, это какъ нарочно такое славное сегодня небо. Быстро пробѣгаютъ въ ихъ умѣ дорогіе образы и лица, незабвенныя сцены минувшаго времени... вспоминаются родныя семьи, отецъ, мать, сестренки, съ которыми многіе изъ нихъ даже не простились, уѣзжая въ Сербію, въ тѣхъ видахъ, что прощанье было слишкомъ тяжело. И многое другое вспоминалось этимъ отрокамъ, пока сонъ не смежилъ ихъ глазъ и не легъ рубежемъ между сегодняшнимъ днемъ, полнымъ тоски тревожныхъ думъ и опасеній, и завтрашнимъ, полнымъ удивленія, геройства и славы...

Прошло нѣсколько часовъ. Огни костровъ стали потухать, дымились послѣднія головни; недалекъ отъ нихъ, въ разныхъ мѣстахъ, виднѣлись неясныя группы лежащихъ людей, завернувшихся въ шинели и казавшихся неподвижными. Все спало; лишь часовые расхаживали взадъ и впередъ и, тихо переговариваясь между собою, пытливо вглядывались вдаль при каждомъ подозрительномъ звукѣ. Далеко сзади, на небѣ, появилась розоватая полоска, въ воздухѣ почуялась предразсвѣтная свѣжесть.

II.

Было условлено, что ротою охотниковъ командовать будетъ самъ бригадный командиръ маіоръ Б—въ. Кромѣ его, съ этой ротой должны были идти пять или шесть русскихъ офицеровъ и, между прочимъ, провожаемый въ Россію капитанъ Б—ти. На разсвѣтѣ, выстроивъ роту, Б—въ сказалъ ей нѣсколько воодушевляющихъ словъ. Впрочемъ, когда онъ говорилъ, можно было въ его глазахъ и въ тонѣ голоса, довольно минорномъ, прочесть, что отъ вчерашней рѣшимости и храбрости очень мало осталось. Если бы кто изъ офицеровъ въ это время замѣтилъ, что затѣвается дѣло, собственно говоря, не хорошее, предосудительное, и во всякомъ случаѣ страшно рискованное, то Б—въ навѣрное распустилъ бы роту по своимъ мѣстамъ и не случилось бы того, что случилось... Очевидно, онъ хотя смутно, а все же таки понималъ это; ясное тому доказательство было въ минорномъ тонѣ его рѣчи. Но... уже вѣрно надо было тому быть, что не нашлось ни одного человека, въ которомъ благоразуміе одержало бы верхъ надъ удалью и товарищескимъ желаніемъ устроить *иллюминацію* отъѣзжающему въ Россію капитану Б—ти. И надо было такъ случиться, что этотъ самый господинъ Б—ти, на которомъ въ нравственномъ отношеніи лежитъ даже большая часть отвѣтственности за описываемое мною дѣло, чѣмъ на Б—въ, этотъ самый господинъ Б—ти по своимъ качествамъ ничуть не

ВИДЪ СЪВЕРОЗАПАДНЫХЪ БЕРЕГО

съ картины С. Рида (S. Read) английской школы

ЗАПАДНЫХЪ БЕРЕГОВЪ АНГЛІИ,
ртины С. Рида (S. Read) английской школы.

заслуживалъ той чести, какую ему дѣлали его случайные товарищи... Но, да проститъ ему Богъ!

— Напредъ маршъ! — командовалъ Б—въ. Перекрестились солдаты и бодро пошли впередъ. Не доходя шаговъ 300 до турецкихъ аванпостовъ, одинъ за другимъ разсыпаны были въ цѣль первые два полувзвода и... дѣло началось. На непріятельской сторонѣ мгновенно все пришло въ движеніе, въ воздухѣ пронеслись пронзительные звуки турецкихъ трубъ и, вмѣстѣ съ этими звуками, точно привѣтствуя восходъ солнца, грянулъ пушечный выстрѣлъ. Граната, со свистомъ и шипѣніемъ пролетѣвши надъ головами, тяжело упала гдѣ-то невдалекѣ. Скоро всю долину заволокло пороховымъ дымомъ. Нашихъ охотниковъ не было видно, они засѣли въ ровикахъ, въ кустарникѣ и кукурузѣ и только по дрожанью колосевъ и вѣтвей, да по дымакамъ отъ выстрѣловъ можно было опредѣлить ихъ мѣстоположеніе. Нѣсколько человѣкъ стояли прямо, не пользуясь закрытіями; это были русскіе офицеры. Нѣкоторые изъ нихъ держали бинокли, другіе разсматривали впередъ лежащую мѣстность просто приложивъ зонтикомъ обѣ руки къ козырьку. На головѣ одного изъ офицеровъ была русская офицерская фуражка съ краснымъ околышемъ.

Бой разгорался, перестрѣлка становилась оживленнѣй, гранаты чаще и чаще стали свистѣть въ воздухѣ и ложиться очень близко, — очевидно турки пристрѣлялись. Приходилось плохо. Но держатся еще охотники, еще не устали руки, есть еще патроны.

— Аллахъ, аллахъ! — кричатъ турки.

— Живіо, живіо, Србія! — отвѣчаютъ охотники подъ аккомпаниментъ выстрѣловъ и заунываго гудѣнія летающихъ пуль.

Одинъ изъ мальчиковъ-добровольцевъ, юнкеръ С. бѣгалъ по цѣпи и ободрялъ сербовъ, указывая, куда и какъ надо сражаться. Вчерашнихъ тревожныхъ думъ и слѣда не осталось; теперь глаза его горѣли какимъ то особеннымъ огнемъ, вся фигура дышала отвагой; тоска смѣнилась тѣмъ страшнымъ нервнымъ напряженіемъ, которое овладѣваетъ человѣкомъ во время боя. Онъ смѣло разгуливалъ по цѣпи, совершенно забывъ о томъ, что кака-нибудь шальная пуля сразу могла покончить его существованіе. Онъ видѣлъ впереди себя густой дымъ, изъ котораго безпрестанно въ разныхъ пунктахъ сверкали огни, за дымомъ непріятелей-турокъ, которымъ онъ желалъ всякой гибели. Вонъ тамъ, впереди, запримѣтилъ онъ красиваго молодого турка; очевидно, это былъ офицеръ, потому что онъ дѣлалъ распоряженія въ цѣпи. Его-то захотѣлось С. убить во что-бы то на стало.

— Войницы, юнацы, — кричитъ С., — ради Бога вонъ того офицера застрѣлите.

Нѣсколько выстрѣловъ сдѣлано было по указанному направленію, но турецкій офицеръ все еще былъ живъ. Тогда С. беретъ у ближайшаго солдата ружье и начинаетъ цѣлить. Губы его сжаты, глаза сверкаютъ, въ рукахъ нисколько дрожанія; долго онъ цѣлитъ и наконецъ раздается выстрѣлъ. Турецкій офицеръ упалъ и радости С., казалось, не будетъ конца. Каюе, въ самомъ дѣлѣ, счастье — убить ненавистнаго турецкаго офицера собственноручно! Вѣдь это подвигъ и дѣйствительно, съ этой минуты С. самъ себя сталъ считать героемъ и, конечно, сдѣлалъ бы чудеса храбрости, если бы дѣло дошло до рукопашной.

— Аллахъ, аллахъ, — кричатъ турки.

— Живіо, живіо, — отвѣчаютъ имъ С. пронзительнымъ дѣтскимъ голосомъ.

И вдругъ... замелькали у него передъ глазами какіе-то круги, не то огненные, не то зеленые, хватился онъ рукой за лѣвый бокъ и упалъ навзничь...

— Живіо, Србія! — лепечетъ еще онъ хриплымъ, шипящимъ голосомъ, но уже, очевидно, безъ малѣйшаго сознанія...

..... Цѣпь наша порѣдѣла; мало уже осталось добровольцевъ, а отъ всей вообще роты охотниковъ и половины людей не осталось. Еще есть патроны и еще держатся оставшіеся въ живыхъ охотники, но только уже благодаря от-

чаяннымъ усиліямъ русскихъ офицеровъ. Чаще и чаще стало слышаться между солдатами то-скливо-жалобное обращеніе къ офицерамъ: „молимъ васъ... молимъ васъ, натракъ треба!“

Два сербскихъ баталіона, П-цкій и Ч-скій, составлявшихъ ближайшее подкрѣпленіе для роты охотниковъ, стояли въ бездѣйствіи и не знали, на что рѣшиться, потому что единственные ихъ офицеры, Г—въ и М—съ, отсутствовали; Г—въ былъ впереди съ охотниками, а капитанъ М—съ еще въ началѣ дѣла шальной пулей былъ раненъ въ ногу и унесенъ на перевязочный пунктъ. А вотъ и другіе офицеры стали выбывать изъ строя. Изъ роты охотниковъ понесли капитана О—ва, раненаго въ ногу, и капитана Ш—бе, раненаго въ шею разрывною пулей. Нановаль убиты были поручикъ Л—въ, унтеръ-офицеръ Семеновъ и многіе другіе унтеръ-офицеры и рядовые... двое сербскихъ офицеровъ погибли. Жутко стало, горькое чувство охватываетъ оставшуюся горсть охотниковъ, — надо отступать, не сдѣлавъ ничего, кромѣ громаднхъ потерь. Изъ резервовъ, отъ ставки главнокомандующаго, все громче звучитъ труба и назойливо выкрикиваетъ тяжелое, подлое слово: „отступать, отступать!“

Но куда дѣвались виновники этой иллюминаціи маіоръ Б—въ и капитанъ Б—ти? Куда исчезъ поручикъ В—ій, тотъ самый господинъ, что былъ въ русской офицерской фуражкѣ съ краснымъ околышемъ? А куда?!. Послѣдній, напимѣрь, вдругъ почувствовалъ необыкновенную привязанность и, такъ сказать, дружескую нѣжность къ раненому въ ногу капитану О—ву, съ которымъ онъ до вчерашняго вечера и знакомъ даже не былъ; а почувствовавши эту нѣжность, онъ натурально, долженъ былъ самолично отвести О—ва на перевязочный пунктъ; почему онъ не возвратился назадъ, на мѣсто битвы, осталось покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Что касается до капитана Б—ти, то онъ очутился у ставки главнокомандующаго въ качествѣ посланнаго за подкрѣпленіями. Но когда главнокомандующій въ подкрѣпленіяхъ отказалъ, то Б—ти отправился на перевязочный пунктъ и заявилъ, что онъ контуженъ въ голову, вслѣдствіе чего чувствуетъ ужасную боль въ головѣ; въ доказательство своей контузии онъ показал прострѣленную шапку. Одно только замѣчательно, что когда стали разсматривать эту шапку, то она оказалась прострѣленною самымъ страннымъ образомъ... Бригадный командиръ и предводитель роты охотниковъ, маіоръ Б—въ, просто исчезъ не извѣстно куда. На разпросы о немъ солдаты отвѣчали, что онъ сѣлъ на коня и ускакалъ *дѣлать распоряженія*.

Медленно стали отступать измученные люди и на двадцать турецкихъ выстрѣловъ едва раздавался одинъ нашъ. Съ криками: аллахъ, аллахъ, — турки выскочили изъ шанцевъ и начали насъ преслѣдовать; еще одна минута и мы должны бы были бѣжать, какъ говорится, во все лопатки. Въ эту минуту со стороны нашихъ резервовъ показался вѣдникъ. Это былъ сербскій капитанъ С—нъ. Громовымъ голосомъ и размахивая саблею онъ закричалъ по сербски: „русскіе баталіоны впередъ, три баталіона съ лѣваго, а три баталіона въ обходъ съ праваго фланга, маршъ!“ „Ура, живіо!“ Услыхавши такую неожиданную вещь, турки остановились и завопили: „русъ, русъ!“ Остановились и наши охотники и завязали учащенную перестрѣлку. Какъ нарочно, за двѣ минуты передъ этимъ обстоятельствомъ изъ цѣпи охотниковъ прибѣжалъ къ своему баталіону поручикъ Г—въ и хотѣлъ повести его впередъ. Онъ уже командовалъ: „на предъ маршъ“, но какъ разъ въ это время явился, точно изъ земли выросъ, маіоръ Б—въ.

— Поручикъ Г—въ, я вамъ приказываю остаться съ баталіономъ на мѣстѣ.

— Я плевать хотѣлъ на ваше приказаніе.

— Вы будете разстрѣляны за ослушаніе... въ военное время.

— Вы, маіоръ, прежде меня будете разстрѣляны за трусость, убирайтесь къ черту. Барабанщики и гарнисты, играй атаку! На предъ маршъ!

Только что успѣлъ сербскій капитанъ С—нъ прокричать свое громовое: „русскіе баталіоны впередъ!“ — тотчасъ-же, какъ бы по его командѣ, Ч—скій баталіонъ ударилъ атаку и стройно, съ поручикомъ Г—вымъ во главѣ, пошелъ впередъ. Ч—скій баталіонъ слылъ самымъ храбрымъ и, охотно идя впередъ за своимъ очень любимымъ командиромъ, въ эти минуты рѣшительно поддержалъ свою репутацію.

Уже скрылись турки за шанцами, уже оставалось Ч—му баталіону пройти до него не болѣе 30—40 шаговъ, еще нѣсколько секундъ и турецкія шанцы были бы взяты. Но... въ эту минуту Г—въ упалъ; пуля прошла въ грудь на вылетъ. Дрогнули Ч—цы и безъ командира не рѣшились броситься на шанецъ....

III.

Позади, саженьяхъ во ста отъ первой линіи, около колодца, тѣснится толпа окровавленныхъ людей. Большая часть изъ нихъ раненые. Здѣсь перевязочный пунктъ. Доктора и фельдшера суется, изъ палатки доносятся страшные, раздирающіе душу крики, тамъ дѣлаютъ ампутацію. Въ воздухѣ стоитъ смѣшанный стонъ и слышится запахъ крови и пороха. Въ сторонкѣ, подъ буковымъ деревомъ, лежатъ раненые офицеры. Капитанъ М—съ, раненый въ колѣно, страдаетъ, кажется, больше всѣхъ; въ послѣдствіи ему отняли ногу выше колѣна и, такимъ образомъ, изъ академика одной изъ петербургскихъ военныхъ академій, изъ молодого человѣка съ хорошею будущностью, сдѣлали инвалида и калѣку на всю жизнь. Грустное обстоятельство! Рядомъ съ нимъ, широко разметавшись на кучкѣ соломы, лежитъ раненый въ грудь на вылетъ Г—въ, тотъ самый, который съ своимъ баталіономъ отбилъ турокъ. Грудь его раскрыта и на правой ея сторонѣ видно маленькое черное отверстіе, изъ котораго струится кровь. Никому и въ голову не приходило, что онъ можетъ остаться живъ и даже выздоровѣть, а между тѣмъ это фактъ, не смотря на то, что сдѣланы уже были извѣстныя грустныя распоряженія и ждали только послѣдняго вздоха. Далѣе, на самомъ краю, на соломѣ лежитъ юнкеръ-мальчикъ С. У него уже началась предсмертная агонія. Мутные глаза дико блуждаютъ по угрюмымъ лицамъ окружающихъ; почернѣвшія губы шепчутъ что то и страшно становится отъ этого непонятнаго шопота; одно лишь слово ясно слышится: „воды, воды!“ Вѣдь раненыхъ мучитъ страшная жажда. Десятки солдатъ бросается за водой. „Воды!“ — молятъ умирающій, а у колодца толпа раненыхъ людей, надо ждать очереди. Стоны дѣлаются слабѣе и слабѣе, вотъ они почти всеѣмъ замолкли, бѣдный мальчикъ почти неподвиженъ и только губы силятся сказать: „пить, о, ради Бога, дайте пить!“ Но, еще одна минута, и все смолкло. Изъ груди вырывается стонъ, послѣдній, хриплый, страшный стонъ, тѣло вздрогнуло и все кончено. Сломая голову бѣжитъ солдатикъ съ флягой мутной воды. — Поздно!

Заходящее солнце бросаетъ послѣдніе лучи на сосѣднія горы, все озарено красноватымъ, какъ бы кровавымъ свѣтомъ. Грустно и медленно бредутъ кучки измученныхъ людей. На ружьяхъ все еще подносятъ убитыхъ и горькая дума видна на угрюмыхъ лицахъ носильщиковъ. Солнце наконецъ сѣло. Ночь закрыла и эти черныя группы людей, идущихъ хоронить мертвецовъ и бѣлую палатку перевязочнаго пункта и всю эту тяжелую картину смерти и разрушенія...

Да, много стинуло людей въ этотъ день. Все это были честные и храбрые пионеры великаго славянскаго вопроса, все это были герои *славянской ствары*. Много стинуло людей и въ другіе дни, во время сраженій съ турками. Но то всеѣмъ иное; то выходило изъ неизбѣжнаго и законнаго порядка вещей, тому и быть такъ надлежало. А тутъ... умереть такъ незаконно, такъ не производительно, умереть или на вѣки остаться искалѣченнымъ *на иллюми-*

наши, для удовольствия такъ сказать, господина капитана Б—ти,—вотъ что ужасно, вотъ что обидно-грустно!..

А этотъ капитанъ Б—ти? О, онъ разумѣется, уѣхалъ на другой день, даже не простившись съ ранеными. Ходятъ слухи, что онъ откуда-то добылъ свидѣтельство на рану, получилъ въ Бѣлградѣ на эту рану денежные пособия и крестъ Такова и укатилъ въ Петербургъ. Кромѣ того, онъ запасся такимъ документомъ, который съ гордостью будетъ показывать своему потомству. Это адресъ на его имя, подписанный множествомъ офицеровъ—товарищей, хвалебный адресъ. Конечно, подписи были собраны въ разное время и при разныхъ обстоятельствахъ...

Что касается до бригаднаго командира майора Б—ва, то онъ за иллюминацію былъ высланъ изъ арміи.

Да проститъ Богъ обоемъ имъ эту иллюминацію!

II. Петровскій.

Сербскіе мотивы. *)

II. Надъ планиной.

Словно стонъ пронесся надъ планиной **) И какъ будто замеръ, улетающій— Это крикъ пророческій, змѣиный Раздался, должно быть, предвѣщая Снова бѣды для родного края...

Или это птичка прокричала
Передъ смертью въ лапахъ соколиныхъ...
Или лебедь крылья поломала,
Защищая на крутыхъ стремнинахъ
Малыхъ дѣтокъ отъ когтей орлиныхъ?..

Или это Вилы собрались,
Чтобъ составить въ небѣ хороводы,
Возвѣстить про гибель османлиса,
Возвѣстить, что кончились невзгоды,
Что настали дни святой свободы?..

Нѣтъ, не то—не змѣи бѣду пророчить,
Ни пичужку соколъ не терзаетъ,
Ни орелъ гнѣзда зорить не хочетъ,
И не Вилы волю возвѣщаютъ—
То на небо душу провожаютъ...

Умеръ Ильо, воевода смѣлый
И несутъ на небо воеводу—
На войнѣ погибъ нашъ соколъ бѣлый
Черногорцамъ, храброму народу,
Добывая славу и свободу.

Пѣнье Вилы въ высотѣ туманной
Надъ душой юнака раздастся:
Будутъ славить Ильо безпрестанно,
Пока родъ славянъ еще ведется,
И любовью къ славіи сердце бьется.

Свѣтлый рай жилищемъ вѣчнымъ будетъ
Тѣмъ, кто въ битвѣ славно умираетъ,
И народъ героя не забудетъ,
Пока солнце землю освѣщаетъ,
И луна въ ночи свой путь свершаетъ!..

III. Горецъ на чужбинѣ.

Всѣ порастратилъ цехины Новакъ,
Горькой измѣной дѣвоика лукавая
Вдосталь подрѣзала... грустенъ юнакъ—
Внизъ опустилась головушка бравая...
Тутъ итальянецъ къ юнаку присталъ—
Родину бросить, бѣжать соблазнялъ.

Что тебѣ дѣлать въ суровомъ краю?
Бдемъ-ка въ городъ, въ Венецію чудную—

*) См. «Пчела», № 5.

**) Планина—гора.

Тамъ ты забудешь невзгоду свою,
Глядя въ морскую струю изумрудную—
Денегъ у насъ—что камня въ горахъ,
Служба веселая... Бдемъ, морлахъ!..*)

Годъ прослужи—и широкій кушакъ
Служба наполнить червонцами звонкими,
Вышьешь нарядную куртку, юнакъ,
Золотомъ, шелкомъ, узорами тонкими—
Станешь, нарядный, красавицъ прельщать,
Станешь имъ пѣсни свои распѣвать!..

Я, легковѣрный, послушалъ тогда
Хитраго друга, и горы привольныя
Бросилъ, уѣхавъ служить въ города—
Волю смѣнялъ на житье подневольное...

Хуже, чѣмъ впаль-бы я въ тятостный
Душно мнѣ стало средь строенныхъ
Стѣнъ!..

Въ горы хочу я—мнѣ здѣсь не житье!
Дайте мнѣ волю—не надо мнѣ золота!..
Вотъ настоящее мѣсто мое
Тамъ, на скалѣ, что громами расколота!..
Дикая родина, дикая братія!
Снова дикарь мчится въ ваши объятія!..

Александръ Арсеньевъ

Письмо въ редакцію.

Въ редакцію поступило слѣдующее письмо, которому мы и даемъ мѣсто въ нашемъ журналѣ: М. Г. г. редакторъ. Въ № 11, издаваемого Вами журнала, помѣщена, между прочимъ, замѣтка: „Голосъ одного изъ публики о русскихъ музыкальныхъ сочинителяхъ“. Въ качествѣ—тоже „одного изъ публики“, я надѣюсь, что Вы не откажете помѣстить и мой „голосъ“ на страницахъ Вашего изданія.

Авторъ замѣтки очень соболѣзвуетъ о томъ, что произведенія русскихъ композиторовъ не находятъ себѣ мѣста на большихъ европейскихъ сценахъ. Раздѣляя до нѣкоторой степени сожалѣнія автора, я не могу вполнѣ согласиться ни съ причинами, выставляемыми авторомъ, ни, тѣмъ болѣе съ заключеніемъ замѣтки.

Причинами указаннаго явленія авторъ называетъ какъ монотонность мотивовъ русскихъ оперъ, такъ и вліяніе Вагнера на нашихъ композиторовъ.

Не входя въ подробный разборъ основательности такого мнѣнія автора, я позволю себѣ замѣтить, что конечно на Глинку вліянія Вагнера не было, въ монотонности мотивовъ никакъ нельзя упрекнуть его „Руслана и Людмилу“, а между тѣмъ оперы Глинки точно также не имѣютъ доступа на заграничныя сцены, какъ и оперы другихъ нашихъ композиторовъ (нельзя же считать метеорическое появленіе „Жизни за Царя“ въ Миланѣ и „Руслана и Людмилы“ въ Прагѣ), несмотря даже на то, что обѣ оперы Глинки затмѣваютъ красотами своими не только оперы нашихъ, но пожалуй и оперы большинства иностранныхъ композиторовъ.

Не правильнѣе ли постараться объяснить причины явленія этого аналогичными явленіями, встрѣчаемыми всюду, гдѣ идетъ рѣчь о знаніи Россіи: вещь не новая, что публика въ большинствѣ западныхъ державъ едва ли меньше знакома съ тѣмъ, что дѣлается на Мадагаскарѣ, чѣмъ въ Россіи. Съ нашими извѣстнѣйшими писателями Европа стала знакомиться лишь въ самое послѣднее время. Но еще недавнѣе стали появляться и нѣкоторые изъ нашихъ композиторовъ въ заграничной печати (изданы изъ Берлинѣ: Жизнь за Царя съ русскимъ и немѣцкимъ текстами и безъ текста, Русланъ, Рогнеда и Русалка, тоже безъ текста, для фортепьяно).—Мнѣ кажется, что именно въ этомъ индифферентизмѣ ко всему русскому

Морлахъ—горецъ.

и слѣдуетъ искать причины того, что оперы нашихъ композиторовъ не ставятся не только большими, но даже и малыми европейскими сценами. Нельзя же вѣдь Псковитянку, Опричниковъ, Бориса Годунова и др. ставить ниже хотябы Страделлы, Сонамбулы, Дочери Полка и т. п. Хотя, конечно, я не поставлю ихъ и наряду съ Фаустомъ, Гугенотами и даже Севильскимъ Цирюльникомъ. — Можно съ увѣренностью сказать, что не за горами то время, когда возмущаются за постановку и русскихъ оперъ за границею серьезнѣе, чѣмъ это было до сихъ поръ, но едва ли, какъ ожидаетъ авторъ замѣтки, для этого необходимо появленіе новаго композитора; не вѣроятнѣе ли предположить, что начнутъ опять таки съ Глинки. Увѣренность эта основана на упомянутомъ уже появленіи Klavierauszug'овъ нѣкоторыхъ оперъ; а это шагъ немалый.

Что же касается того, что за границей и публики и газеты знаютъ, что творятъ Верди или Гуно и что авторъ видѣлъ партицію Фауста, еще до его появленія, у одного опернаго пѣвца, да еще и съ нѣмецкимъ текстомъ, то, по моему мнѣнію, доступность мелодій тутъ непричемъ. — Чтобы объяснить это, надо обратить вниманіе на условія, въ которыя поставлена музыка за границею и у насъ. Во первыхъ, большинство театровъ тамъ—частныя; число ихъ гораздо больше чѣмъ у насъ; является, слѣдовательно конкуренція, которой у насъ совсѣмъ нѣтъ. Такъ что, стало быть, наши композиторы принуждены работать (оперы) только на театральную дирекцію, такъ какъ на провинціальныхъ антрепренеровъ расчетъ очень плохъ. Во вторыхъ, уровень музыкальнаго развитія, какъ и общечеловѣческаго, за границею стоитъ значительно выше нашего. Достаточно въ подтвержденіе этого привести, что даже въ весьма маленькихъ городкахъ, по крайнѣй мѣрѣ Германіи, существуютъ свои общества пѣнія (Singverein)—у насъ ихъ нѣтъ совсѣмъ. Зачастую тамъ можно слышать и на улицѣ и во дворѣ дуэты Мендельсона, распѣваемые дѣвочками 13—14 лѣтъ. Въ каждомъ городишкѣ можно найти оркестръ, могущій стройно исполнять даже серьезныя произведенія извѣстнѣйшихъ композиторовъ. — Надѣюсь, что приведеннаго достаточно, чтобы прийти къ выводу, что за границей существуютъ всѣ данныя для того, чтобы могъ возникнуть спросъ на музыку. У насъ же онъ ограничивается, главнымъ образомъ, Петербургомъ, да Москвою, изъ провинціальныхъ же городовъ дай Богъ насчитать 4 много 5, гдѣ ставятся оперы, да и въ этихъ то городахъ антрепренерамъ сильно не повезло въ этомъ году.

Въ заключеніе остается прибавить, что если и желательно, что бы нашимъ операмъ открылись иностранныя сцены, то конечно не настолько, чтобы композитора, достигнушаго этого, только за одно уже достиженіе, можно было признать „выше всѣхъ, бывшихъ до него композиторовъ съ М. И. Глинкой во главѣ“. Авторъ, во первыхъ, забылъ, что самъ же упоминалъ о томъ, что оперы А. Рубинштейна даются за границею, пожалуй, прибавлю я отъ себя, словами автора: „на ряду съ сочиненіями Россіи, Мейербера и Гуно, (судя по успѣху „Маккавеевъ“ въ Берлинѣ); а во вторыхъ, я все таки не позволю себѣ только по этому поставить А. Рубинштейна, хотя и весьма талантливаго композитора, не только выше, но даже и на ряду съ Глинкой, такъ какъ думаю, что съ тѣми перлами музыки, какими богатъ „Русланъ“, нельзя равнять ни Маккавеевъ, Демона и Нерона, ни Вильгельма Телля, Фауста и даже Гугенотовъ.

Я. К.

Въ память добровольца Станислава Баранцевича.

Намъ уже не разъ приходилось слышать намеки извѣстной клики нашей западнической прессы и, къ счастью, небольшого числа голосовъ нашихъ подписчиковъ, насмѣшливо относящихся къ честному и высокому пьеру, охватившему лучшіе, здоровые слои русского

общества, порыву, пробудившему нашу общественную дрему и запечатлѣвшемуся въ исторіи славянъ рядомъ высокихъ жертвъ, геройскихъ смертей, за идею славянскаго освобожденія и объединенія. Съ какимъ злорадствомъ собирали эти жалкіе „космополиты“ факты и фактики, сплетни и *утки* корреспондентовъ, какъ ловко подтасовывали они все, что могло бы опозлить и извратить высокій смыслъ самопожертвованія, увлекавшій на защиту изстрадавшихся единокровныхъ братьевъ нашихъ славянъ, тѣхъ чуткихъ къ страданію ближняго лицъ изъ нашего общества, у которыхъ сердца бились посильнѣй и почестнѣй чѣмъ у среды, подавленной эгоистической заботой о насущномъ днѣ, о барышѣ и выгодѣ, о процентѣ и учетѣ...

Мы, редакция «Пчелы», не шатались по вѣтру, мы просто, прямо и искренно, съ самого начала движенія и до днесь, да и впредь стояли и будемъ стоять въ одномъ и томъ же направленіи и съ вѣрой и надеждой будемъ глядѣть въ будущее славянства, какъ не смѣялись бы надъ нами наши «космополиты—западники», правда свое возьметъ всегда! И близкое будущее, надѣмся, оправдаетъ наши упованія.

Въ №№ „Пчелы“ втораго полугодія за прошлый 1876 годъ, мы помѣщали ряды изображеній нашихъ добровольцевъ, отправлявшихся на войну, въ Сербію; при этомъ мы не руководились не только ни какими градаціями, рангами, или чинами, но даже и не рассами, — всякому стрѣмившемуся на окровавленные поля Балканскаго полуострова, чтобы стать грудью за угнетенныхъ, мы искренно и горячо желали успѣха.

Если часть нашихъ добровольцевъ и не устояла на высотѣ своего призванія, если межъ ними и попадались личности, несохранившія чистоты своихъ отношеній къ дѣлу, — «семья не безъ урода», — то отъ этого сама идея, увлекшая ихъ, нисколько не меньше, ни мало не тускнѣе... А сколько же смертей, сколько погибшихъ жизней нашихъ стойкихъ добровольцевъ громко и ясно заявили всему міру о русскомъ безкорыстїи, о русской доблести, не онѣ ли, эти геройски принесенныя жизни, не эти ли благородныя трупы, — костями легшіе на славянскихъ поляхъ Балканскаго полуострова, — послужатъ мостомъ для русскаго возмездія, не по этому ли мосту пройдутъ, по мановенію возлюбленнаго Монарха нашего, храбрая наша російская армія свершать дѣло, начатое нашими же пионерами — добровольцами?!

Шумятъ ужъ наши боевыя знамена у славянскаго Дуная, зудятъ наостренныя булатныя штыки, двигаются какъ волны къ Балканамъ полки за полками нашихъ доблестныхъ воиновъ... Что то будетъ? съ замирающимъ сердцемъ спрашиваетъ у судьбы всякъ изъ насъ, каждый славянинъ и, съ каждымъ шагомъ нашей арміи, за одно бьется пульсъ всей Россїи, каждого изъ ея гражданъ.

Знаемъ: не дешево дадутся намъ побѣды, многія матери, жены и сироты зальются горячими слезами отъ этихъ побѣдъ, но

„Даромъ ничего не дается: „Судьба
Жертвъ искупительныхъ просить...“

И какихъ еще жертвъ!.. если жертвы эти, по значенію, должны будутъ уравниваться съ грандіозностью дѣла! Но, да не забвены будутъ и тѣ, кто сложилъ уже свои кости ради той же дѣли, кто лежитъ уже въ землѣ сырой, отдавъ то, что разъ только дается человеку, т. е. собственную жизнь...

„Выше сія любви ни кто же има, да кто душу свою положить за други своя“. Этотъ прекрасный текстъ выбрали мы для помѣщенія надъ портретами геройски погибшихъ пионеровъ нашихъ въ войну за славянское освобожденіе. Уже блеститъ онъ надъ портретами: Кирѣева, Раевского, Ярошенко, столь же умѣстенъ будетъ онъ и надъ запоздавшимъ изображеніемъ еще одной жертвы славянской идеи, надъ портретомъ, помѣщаемомъ въ этомъ № нашего журнала поручика *Станислава Баранцевича*. Онъ былъ командиромъ роты 3-го Гренадерскаго Перновскаго полка, расположеннаго постоємъ въ Москвѣ, гдѣ окруженъ былъ лю-

бовью своихъ родителей и родственниковъ, дружбой товарищей и преданностію подчиненной ему роты. У начальства своего Баранцевичъ былъ на счету одного изъ способнѣйшихъ и лучшихъ строевыхъ офицеровъ. Пользуясь, сверхъ всего этого, вполне обеспеченнымъ состояніемъ своего отца, имѣя всего лишь 24 года отъ роду, получивъ солидное образованіе и воспитаніе, ему не предстояло особыхъ усилій, чтобы сдѣлать себѣ прекрасную карьеру по службѣ, но не того нужно было этому счастливцу, идеалы его были выше заботъ о собственной карьерѣ...

Страстно слѣдя по газетамъ за перипетіями сербско-турецкой трагедїи, и сознавъ недостатокъ въ сербскихъ войскахъ во фронтныхъ офицерахъ, онъ порѣшилъ немедля отправиться туда. Подавъ въ отставку, 15 августа прошлаго 1876 года, онъ выѣхалъ изъ Москвы — въ Сербію, напутствуемый благословеніями обожающихъ его родителей и дружескими лобзаніями своихъ товарищей офицеровъ, солдатъ своей роты и многочисленныхъ знакомыхъ.

И вотъ Баранцевичъ 2-го сентября уже въ передовой дѣли сербской арміи подѣ Делиградомъ, и назначенъ командиромъ русско-арнаутской роты отряда полковника Медвѣдовскаго. Со всѣмъ пыломъ и энергіей, всей душой предается онъ своей тяжелой обязанности. Видя страшную неурядицу въ организаціи и довольствїи сербскихъ войскъ, не жалѣя себя, не щадя своего здоровья, принялся онъ за переустройство своей части на русскій боевой ладъ. Недостатокъ же порціоновъ и самой необходимой одежды по осеннему времени для солдатъ вѣтренной ему роты, отнимаютъ у него всякое спокойствїе: ему подлымъ казалось бѣть — тогда, когда подчиненные ему люди — голодали: голодалъ и онъ наравнѣ съ солдатами, поддерживая слабѣющій духъ ихъ своимъ открытымъ, бойкимъ и веселымъ обхожденіемъ; ему стыдно было спать на подушкѣ, когда близъ него валялся больной или раненый на мокрой травѣ, на сырой землѣ и онъ отдавалъ раненому свою единственную подушку, покрывалъ своею шинелью избыткаго больнаго, а самъ — изнемогши не менѣ послѣдняго изъ своихъ подчиненныхъ, падалъ для необходимаго отдыха на голую землю... Подобныя отношенія сразу приковали къ нему симпатїи солдатъ до энтузіазма, хотя купили они ихъ дорогою цѣной, цѣной своего желѣзнаго, молодаго здоровья.

Русская бригада, куда зачисленъ былъ на службу С. Баранцевичъ, порученная полковнику Медвѣдовскому, въ это время переформировывалась — стоя въ Делиградѣ, а потому — бездѣйствовала. Это бездѣйствіе мучило энергичнаго Баранцевича и онъ, набравъ охотниковъ изъ русскихъ и черногорцевъ, зачастую, по ночамъ дѣлалъ вылазки и рекогносцировки у Делиграда, на Ястребацкихъ высотахъ, у Бобовицъ и сѣверной части Дьюниша. Во всѣхъ этихъ опасныхъ предпрїятїяхъ онъ отличался замѣчательною находчивостью и мужествомъ, заслужившими большое довѣріе къ нему начальства и любовь подчиненныхъ. Наконецъ получается приказъ отправиться на позицію въ Шельеговацъ. Въ Шельеговацѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что на утро 16 сентября ожидается генеральное сраженіе и вотъ — наканунѣ битвы Баранцевичу поручаютъ зайти съ своею частью во флангъ неприятелю. Въ 2 часа ночи отрядъ, прикрытый темнотою, напутствуемый молебномъ и рѣчью полковника Медвѣдовскаго, ошущю двинулся въ обходъ неприятелю. Медвѣдовскій провожаетъ его до мѣста, откуда отрядъ долженъ былъ сдѣлать уже нападеніе и... по какой-то — почти непонятной причинѣ, передаетъ начальство подполковнику Милорадовичу, а самъ удаляется въ мѣста, „не столь опасныя“... Молча и беззвучно двинулся отрядъ впередъ на неприятельскїе шанцы, утрення заря — чуть брезжила на востокѣ, Баранцевичъ, находясь впереди своей роты, былъ первымъ къ неприятелю. Вотъ онъ уже на ружейный выстрѣлъ отъ шанцевъ, солдаты какъ-бы приуныли въ страшномъ ожиданїи... моментъ... и удалой голосъ Баранцевича въ ночномъ безмолвіи лихо затянулъ русскую пѣ-

ню, за нимъ грянула вся его рота — стройно, безъ выстрѣла, приближаясь къ неприятелю. Эффектъ былъ сдѣланъ полный: бросая ружья, изумленные и озадаченные турки бѣжали съ криками „москавъ, москавъ“, или беззащитно сдавались въ руки храбрецовъ...

Въ дѣлѣ этомъ съ нашей стороны было лишь 3 батальона: русско-болгарскій, старо-сербскій и черногорскій; первымъ командовалъ капитанъ Волкъ, вторымъ баронъ Тизенгаузенъ и третьимъ воевода Врбица. Этой горсти юнаковъ не удалось вкусить отъ плода своей побѣды: они были *забыты* своимъ начальствомъ и оставлены на убой одиноко, противъ всѣхъ силъ неприятеля, численностію до 50,000.

Какъ только замѣтили турки ничтожную численность своего побѣдителя, то тотчасъ-же изъ полнаго бѣгства перешли въ жестокое наступленіе. Обстрѣливая отрядъ съ трехъ батарей артиллерійскимъ огнемъ, въ тоже время неприятель старался обойти нашихъ съ фланговъ, чтобы отрѣзать отступленіе. Моментъ былъ по истинѣ трагиченъ: настала чистая бойня! Турецкія ядра вязли въ трупахъ нашихъ молодцовъ...

„Плохая имъ досталась доля:

„Не многіе вернулись съ поля...“

Большая половина лучшихъ русскихъ добровольцевъ легла въ этомъ дѣлѣ!...

Баранцевичъ и тутъ показалъ себя молодцемъ, впереди своихъ солдатъ, съ ружьемъ въ рукахъ онъ прокладывалъ путь къ отступленію, обстрѣливая турецкій флангъ, старавшійся зайти въ тылъ отступающимъ.

Вскорѣ послѣ этого дѣла, Баранцевичъ серьезно занемогъ простудой. Но — ни совѣты врачей, ни требованія товарищей не могли заставить его лечь въ госпиталь. „Не затѣмъ я явился въ Сербію, чтобы лежать въ больницѣ“ — было его отвѣтомъ и продолжалъ оставаться со своей частью на Шельеговацкой позиціи до того времени, когда отрядъ его велѣно было выступить въ Делиградъ. Повелъ онъ свою роту, еле сидя на конѣ: сильнѣйшая горячка отняла наконецъ у него сознание и его безъ памяти сняли съ коня и отвезли въ Обреновацкій госпиталь, гдѣ уже лежало много раненыхъ его товарищей и солдатъ. Черезъ двѣ недѣли, 22-го октября, угасла тамъ жизнь этого самоотверженнаго „юнака“.

Весь Обреновацъ собрался на похороны героя, все духовенство въ полномъ составѣ, провожало гробъ его до могилы, сербскія „дѣвочки“ и женщины оплакали погибшаго красавца-юнака, разукрасивъ гробъ его цвѣтами. Отлетѣла горе благородная славянская душа, настрадаемая слезами благодарности народа, за страданія котораго легло въ могилу изстрадавшееся тѣло. Мѣстный іерей Свѣтозаръ Михайловичъ произнесъ на могилѣ глубоко прочувствованное слово *). Тутъ же между гражданами Обреноваца, по инициативѣ окружнаго начальника, возникла подписка на сооруженіе могильнаго памятника „брату руссу“.

Этотъ фактъ говоритъ самъ за себя, какъ умѣютъ сербы цѣнить заслуги и какъ жалки тѣ враги славянскаго единенія, которые стараются увѣрить наше общество во враждѣ и антипатїи къ намъ, русскимъ, этого честнаго и добродушнаго народа...

Вскорѣ туда явился изъ Москвы родной братъ покойнаго за его тѣломъ.

Снова весь Обреновацъ, всѣ граждане присутствовали при вырѣтїи тѣла, торжественно сопровождая его отбытіе.

6-го декабря 1876 года, въ Москвѣ, на кладбищѣ Введенскихъ горъ, снова погребено тѣло Баранцевича въ присутствїи его родныхъ, бывшаго его начальства, его роты и многочисленныхъ друзей и товарищей.

Помѣщая въ „Пчелѣ“ портретъ Станислава Баранцевича, мы дѣлаемъ это тѣмъ съ большей охотой потому, что онъ былъ *полякъ*, и по вѣроисповѣданію — *католикъ*. Какъ и ранѣе, при помѣщенїи портрета Гольштейна, мы руководи-

*) Помѣщено въ переводѣ въ № 12 «Русскихъ Вѣдомостей» 1877 года.

лись лишь тѣмъ, что дѣятельность этого достойнаго человѣка,—не славянина по происхожденію, отдана была славянскому дѣлу и за то сугубо достойна нашей благодарной памяти, такъ и въ данномъ случаѣ мы сдѣлали это съ полнымъ сознаниемъ своей цѣли, глядя на рознь, раздѣляющую великую семью славянскихъ племенъ, рознь,—усиливаемую высокомеріемъ отщепенцевъ славянства, потерявшихъ подъ собою почву своей народности и величающихъ себя людьми культа, космополитизма.... Между польской заграничной эмиграціей, да и у насъ, къ несчастію, имѣется процентъ этихъ слѣпорожденныхъ ублюдковъ славянства, достойныхъ не ненависти—они слишкомъ жалки для того,—а сожалѣнія, да, сожалѣнія, потому что на предстоящемъ праздникѣ единенія, въ ожиданіи котораго съ радостнымъ замيرانіемъ трепещутъ груди многомилоннаго племени славянскаго—имъ не будетъ мѣста.

Предчувствуемъ злорадство такихъ господъ по поводу только что высказанныхъ нами словъ: „а! скажутъ они, какова дерзость: значить „Пчела“ заявляетъ себя противъ науки, культуры, противъ основныхъ благъ прогресса, цивилизации... да, господа, отвѣтимъ прямо, мы противъ какихъ бы то ни было прелестей—даже науки и искусства, если онѣ обезличиваютъ въ человѣкѣ гражданина своей родины, слугу своего народа...

Боже, какъ давно были бы свободны всѣ славяне, сколько несокрушимой мощи и силы стало бы въ этой великой семьѣ, если бы ея членовъ не раздѣдала рознь вѣроисповѣданій... Но никогда еще не была болѣе назрѣвшею идея единенія, никогда еще не нуждались въ ней славяне такъ, какъ въ данный политическій моментъ!

Ред.

Теодоръ Горшельтъ.

(Адриана Прахова).

Письма и записки Т. Горшельта.

(Продолженіе).

Кавказъ.

Вообще, воинственность и страсть къ борьбѣ лежатъ уже въ самой крови грузинъ, и сказывается во всѣхъ ихъ удовольствіяхъ; такъ, для нихъ величайшее наслажденіе смотрѣть на бой барановъ. И какъ часто приходилось мнѣ видѣть эти бои на Александровскомъ плацу въ Тифлисѣ! Стоило, бывало, кому-нибудь только заикнуться, что у него есть здоровый баранъ, какъ тотчасъ-же выступалъ другой съ заявленіемъ, что его баранъ несравненно сильнѣе. Оба, въ сопровожденіи друзей, несутся домой за своими баранами и сходятся потомъ въ серединѣ города на какой-нибудь свободной площади. Мѣсто свиданія, между тѣмъ, становится извѣстнымъ и цѣлая масса народа поджидаетъ уже зрѣлище.—И нѣтъ животнаго храбрѣе барана: едва завидятъ они другъ-друга, какъ начинаютъ рваться и хозяева чуть-чуть справляются съ ними, зажимая ихъ у себя между коленъ; но прежде должно быть отведено надле-

жащее разстояніе, около 30-40 шаговъ, и за тѣмъ каждый спускаетъ своего бойца. Оба устремляются впередъ и, со всего маху, сталкиваются головами...—только эхо отдается далеко кругомъ. Казалось бы, отъ такого удара черепъ долженъ ратлеться въ дребезги, но бойцы, какъ ни въ чемъ не бывало, разбѣгаются опять на нѣсколько шаговъ назадъ, и потомъ снова несутся другъ на друга; бой продолжается до тѣхъ поръ, пока не остановится который-нибудь изъ враговъ.

Все окружаетъ побѣдителя и онъ съ триумфомъ ведется домой. Однажды я посчиталъ, сколько разъ ринулись они другъ на друга, и вышла почтенная сумма въ шестьдесятъ ударовъ; но забавнѣе всего было положеніе побѣдителя: когда его привели домой и привязали водворѣ къ стѣнѣ, онъ, повидимому, все еще чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ, и долгое время продолжалъ поединокъ съ стѣной.

Сегодня всеобщій восторгъ вызвалъ человѣкъ на ходуляхъ, преспокойно разгуливавшій на своихъ деревяшкахъ, вышиною по крайней мѣрѣ футовъ въ восемнадцать. Чтобы подвязать себя ходули, онъ долженъ былъ вскоробаться на каштанъ и, усѣвшись на одномъ выдавшемся суку, занялся своимъ туалетомъ. Ходить, очевидно, легче, чѣмъ держаться спокойно на мѣстѣ, но даже и это, казалось, было ему ни по чемъ. На такой высотѣ онъ продѣлалъ разные фокусы и, между прочимъ, одну ловкую штуку: изъ старой, широкополой шляпы онъ устроилъ себѣ по крайней мѣрѣ пятьдесятъ различныхъ головныхъ уборовъ.

Поздно вечеромъ вернулись мы въ Телаву. На слѣдующее утро я ѣхалъ пересѣкая поперегъ долину, къ противоположнолежащимъ горамъ; у подошвы ихъ, на разстояніи версты двадцати одна отъ другой, расположены маленькія крѣпости, которыя и составляютъ такъ называемую лезгинскую линію. Здѣсь начинается непріятельская земля; по ней постоянно движутся колонны не изъ той, такъ изъ другой крѣпости, посланные за провіантомъ для дѣйствующаго отряда. Черезъ каждые восемь, или десять дней, сползаетъ съ горъ такая колонна, ведя съ собой около тысячи лошадей, и дѣлаетъ здѣсь дневку. Несмѣтное количество мѣшковъ, съ сухарями и другими съѣстными припасами, заготовлено уже раньше; и на слѣдующее утро, едва начнетъ свѣтать, все приходитъ въ движеніе и выючить лошадей. Само собою разумѣется, что мѣсто встрѣчи опредѣляется съ точностію заранѣе, такъ какъ экспедиція, тѣмъ временемъ, движется впередъ: обыкновенно такимъ сборнымъ мѣстомъ назначается какой-нибудь очень высоколежащій пунктъ. Встрѣча сопряжена всегда съ большими затрудненіями: не вѣрно рассчитанный срокъ передвиженія, задержка отъ непредвидѣнной стычки или другія какія случайности, составляли часто разницу отъ двухъ до трехъ дней, отчего могли произойти и происходили величайшія непріятности. Какъ только подобная колонна доберется благополучно до своего отряда, сейчасъ же на слѣдующій или черезъ день отправляется другая и забираетъ съ собою раненыхъ, въ случаѣ если было сраженіе въ этотъ промежутокъ времени. И такъ продолжается и продолжается, это движеніе взадъ и впередъ, до самого конца экспедиціи, которая прекращается здѣсь въ серединѣ сентября, по случаю раннихъ снѣговъ въ горахъ.

Безъ особенныхъ затрудненій переправились мы черезъ Алазанъ, довольно значительную рѣку. Горы становались все ближе и ближе; вскорѣ намъ пришлось миновать цѣлый рядъ высокихъ сторожекъ, которыя въ большомъ ходу на Кавказѣ; онѣ служатъ сообщеніями между крѣпостями и расположены одна въ виду другой. Устройство ихъ очень незатѣливо: крѣпко вбиваются въ землю четыре высокихъ бревна, большей частью кривыхъ и суковатыхъ; сверху они забираются досками; на этомъ помостѣ ставится деревянная, а не то и соломенная будочка, для защиты караула отъ зноя и дождя. Гигантская лѣстница, или просто бревно, на которомъ сдѣланы зарубки, ведетъ на этотъ воздушный постъ; радомъ сто-

ить еще нѣсколько тонкихъ жердей, одинаковой высоты, къ концамъ которыхъ привязаны охапки соломы. Въ случаѣ опасности, караульный зажигаетъ солому, слѣдующій постъ видитъ это и поджигаетъ свои охапки и въ короткое время всѣ укрѣпленія по цѣлой линіи уже предупреждены. Въ Чечнѣ и на Черномъ морѣ эта служба исполняется линейными козаками, здѣсь же разставлена была грузинская милиція. Караульный обязанъ появляться передъ каждымъ проѣзжающимъ офицеромъ, и чтобы доказать, что онъ не спитъ, онъ затягиваетъ длинный, протяжный звукъ, едва завидитъ еще вдали подѣзжающее начальство; казаки же отдаютъ только честь.

Къ вечеру мы вѣхали въ Кварелль. Ничего нѣтъ проще подобнаго укрѣпленія: квадратъ, обнесенный четырьмя толстыми, высокими стѣнами; на каждомъ углу по башнѣ, въ каждой башнѣ по двѣ, или по три пушки; внутри—домъ коменданта, одна казарма для регулярнаго войска, другая для милиціи, церковь, лазаретъ и еще нѣсколько домиковъ для офицеровъ—вотъ и все тутъ. И такъ вездѣ. Укрѣпостныхъ воротъ стоитъ столбъ, надъ нимъ, въ видѣ крыши, растопыренъ пукъ соломы,—это караульня. Входъ днемъ открытъ для всѣхъ, только окрестные лезгинцы, хотъ бы даже и мирные, должны были (въ то время) отдавать свое оружіе караулу. На этотъ конецъ было набито многое множество гвоздей на внутренней сторонѣ воротъ, гдѣ они и вѣшали свои кинжалы, сабли, пистолеты или винтовки. Часто тамъ устраивался цѣлый арсеналь. Комендантъ принялъ меня очень вѣжливо; онъ братъ того князя Кобулова, который вчера снабдилъ меня лошадью. Кромѣ крѣпостныхъ офицеровъ, я засталъ здѣсь еще трехъ другихъ, ѣдущихъ въ дѣйствующій отрядъ и чайныхъ, подобно мнѣ, казакъ. Одинъ отреккомендовался барономъ Гофеномъ и оказался двоюроднымъ братомъ извѣстнаго живописца Коцебу; другой былъ капитанъ Ломновскій, а третій подполковникъ Бэгъ-да-Бэгъ, армянскій князь. Всѣ трое привѣтствовали меня сердечно, какъ будущаго браннаго сотоварища и, во время экспедиціи, доказали мнѣ не разъ свою любовь и дружбу. Впрочемъ, я долженъ сказать тоже самое и обо всѣхъ русскихъ офицерахъ: нигдѣ не встрѣчалъ я такого гостеприимства и радушія, какъ у нихъ. Всѣ мои желанія предупреждались всегда самымъ деликатнымъ образомъ, и ни одна моя просьба не пропала даромъ. Пусть эти строки, если онѣ когда либо явятся передъ публикой, передадутъ имъ всѣмъ мою самую горячую и самую сердечную признательность.

Ломновскій и Бэгъ-да-Бэгъ были саперы; въ продолженіе всей экспедиціи Бэгъ-да-Бэгъ потѣшалъ насъ до нельзя своимъ ужаснымъ французскимъ языкомъ и добродушіемъ, съ какимъ принималъ нашъ хохотъ и шутки. У Гофена, напротивъ, была манія говорить со мною не иначе, какъ только по итальянски, хотя наши обоюдныя познанія, въ этомъ языкѣ и не простирались дальше слова „massagioni“.

Мы провели здѣсь четыре знойныхъ дня, но вдругъ получили извѣстіе, что колонна пришла въ укрѣпленіе Заць-Хениссъ, за три мили отсюда, и, послѣ дневки, выступаетъ обратно. Мы тотчасъ же пустились въ путь-дорогу. Въ Заць-Хениссѣ встрѣтили большое оживленіе. На огромномъ лугу, передъ крѣпостью, расположилась лагерьмъ пѣхота, въ самыхъ изумительныхъ барракахъ: къ стѣнамъ укрѣпленія прислонялись цѣлыя горы мѣшковъ съ сухарями. Дальше насъ кругомъ тысячи полторы выючныхъ животныхъ; лошади и лошаки такъ и бродили, или лежали, съ своими ужасными выючными сѣдлами, въ видѣ вальковъ, которыя съ нихъ никогда не снимаются. Лошади ржали, лошаки жалобно кричали, точно переключались на радостяхъ, послѣ долгаго, утомительнаго похода, бѣдныя, какъ будто чувствовали, что завтра у нихъ дневка. Тамъ и сямъ присѣли группами персидскіе татары, это были погонщики. Для перевозки тяжестей, въ экспедиціи употребляются не казенныя лошади, а наемныя: до начала похода дѣлается условіе съ какимъ ни-

будь богатымъ купцомъ, обыкновенно персомъ, или армяниномъ, онъ уже поставляетъ и животныхъ, и работниковъ; лошадей на десять полагаются одинъ погонщикъ, который и смотритъ за ними.

Такъ какъ партія сухарей была еще не вполне готова, то пришлось сдѣлать и вторую дневку, но 30 июня, утромъ въ 4 часа, двинулся авангардъ; все прикрытiе на полторы тысячи вьюковъ состояло изъ двухъ ротъ регулярной пѣхоты и сотни человѣкъ милиціи; ничтожная защита, въ случаѣ нападенія.

Шаговъ на пятьсотъ за крѣпостью—поднимаются уже изъ земли горы и крутая дорога, извинаяся вверхъ, такъ узка, что и людямъ и лошадямъ можно идти по ней только гуськомъ. Прошло уже нѣсколько часовъ, какъ мы потеряли изъ виду начало нашего отряда; вся гора шевелилась въ тридцать зигзаговъ, а оставшійся внизу клубокъ людей и животныхъ все еще, казалось, не уменьшался.

Командантъ крѣпости, полковникъ Кульманнъ, пригласилъ къ себѣ на завтракъ предводителя колонны полковника Габева, вмѣстѣ съ его офицерами и съ нами; пили за счастливое возвращеніе изъ экспедиціи и за здоровье каждаго порознь; и замѣчательно, всѣ бывшіе здѣсь остались живы и вернулись цѣлы и невредимы. Вдругъ на дворѣ поднялся шумъ и крикъ. Мы вскочили, передъ домомъ собралась взволнованная, бушующая толпа. Нѣсколько человѣкъ изъ мирныхъ лезгинцевъ, поселившихся здѣсь, поссорилось съ сосѣдними грузинами изъ за пастбища, при чемъ одинъ изъ грузиновъ былъ глубоко раненъ кинжаломъ въ голову. Несчастный сидѣлъ на землѣ, еле-еле держась, между тѣмъ, какъ его полунагой противникъ стоялъ среди ревущей толпы: съ него, буквально, сорвали одежду. Одинъ изъ обвинителей показывалъ кинжалы обоимъ враговъ: одинъ былъ чистый и блестящій, съ другаго капала кровь. Долго судили и рядили; я, конечно, не понималъ изъ всего этого ни полслова; подъ конецъ отвели лезгинца въ тюрьму, мы же сѣли на коней, еще разъ пожали руку команданту и выѣхали изъ воротъ. Было, должно быть, часовъ девять и солнце начинало сильно припекать. Едва отѣхали, а лошади обливались уже потомъ; тяжело дыша, взбирались онѣ все выше и выше, вскорѣ и крѣпость превратилась въ маленькую точку, но кругомъ все еще была давка и, время отъ времени, долетали до насъ вверхъ неясные, слившіеся звуки. Если приходилось взглянуть вверхъ, то видны были одни только безчисленные лошадиныя брюхи, которыя зигзагами двигались туда и сюда; если же случалось посмотреть внизъ на лошадиныя спины, то казалось, будто бы вползаютъ на гору безконечное множество вьюковъ, мѣшковъ и ящиковъ. Черезъ какой нибудь часъ времени мы выѣхали подъ тѣнь удивительнаго, просто сказочнаго лѣса; кленъ, липа и другія деревья покрывали крутыя склоны; на привольѣ разрослись гигантскія папоротники, репейники и какое-то растеніе въ родѣ бѣшенцы; оно особенно поразило меня своей высотой—куда выше человѣческаго роста. Всюду прекраснѣйшая трава, синіе колокольчики и разные другіе цвѣтки; все мнѣ представлялось точно черезъ увеличительное стекло. Черезъ нѣсколько минутъ опустились двѣ лошади и, со всеюкладью, стремглавъ покатались внизъ по склону, но задержались встрѣчными деревьями. Въ лѣсу такіе случаи менѣе опасны, но среди голыхъ скалистыхъ откосовъ, гдѣ не за что удержаться, гдѣ двигается въ разныя стороны двадцать рядовъ зигзагами, даже часто пятьдесятъ, одинъ надъ другимъ, и каждое падающее животное увлекаетъ за собою другихъ, идущихъ внизъ,—по неволѣ приходится боязливо поглядывать вверхъ, едва только раздается крикъ и подозрительный лязгъ подковъ. И лошади сознаютъ опасность: боязливо вздрагиваютъ, жмутся къ стѣнѣ горы, вытягиваютъ головы, поднимаютъ уши, широко раздуваютъ ноздри и испуганными глазами смотрятъ вслѣдъ товарищамъ, только что прокатившимся мимо. Но всего хуже—сорвавшіеся камни: хотя они, прыгая, и дѣлаютъ чудовищные скачки черезъ все, куда нибудь

въ сторону, но разъ такой камень наскочитъ, то ужъ кончено.

Къ тремъ часамъ пополудни мы выѣхали изъ лѣса и потянулись круто вверхъ по узкому краю горы. Справа и слѣва виднѣлась глубоко внизу долина. Двѣ лошади сорвались; одна прокатилась немного и остановилась, безъ особенныхъ поврежденій; размѣтавшіеся вьюки также лежали не подалеку, ее подняли и опять навьючили; другая же лошадь полетѣла въ бездну. Если нѣтъ вблизи непріятеля, то посылаютъ погонщиковъ и солдатъ разыскивать кладъ, какъ случилось и сегодня; въ противномъ же случаѣ бросаютъ все.

Теперь съ узкой дороги мы перебрались на лугъ, поползли по немъ все выше, выше; надъ нами, на широкомъ зеленомъ хребтѣ виднѣлся небольшой лагерь—нашъ сегодняшній ночлеги; вокругъ тянулась невысокая земляная насыпь, предохраняющая, все таки, хоть сколько нибудь отъ внезапнаго нападенія.

Температура очень понизилась, рѣзкій вѣтеръ со свистомъ трепалъ палатки; мухи совершенно исчезли, а въ укрѣпленіи отъ нихъ просто некуда было дѣваться. Офицеры, живущіе тутъ, наверху, какъ радушные хозяева, приготовили уже чай для гостей, и мы съ наслажденіемъ разсѣлись съ ними въ ихъ полотняныхъ домикахъ. Становилось все холоднѣе, все темнѣе, но кругомъ слышалось полнѣйшее оживленіе: развѣвчивали лошадей и отводили ихъ на пастбища и водопой, а новые все прибывали и прибывали. Ночью я вышелъ изъ палатки,—мѣсяцъ стоялъ высоко на небѣ, а наши все еще тянулись и тянулись, и только къ четыремъ часамъ утра, когда уже выступалъ авангардъ, достигли послѣдніе. Можно пожалуй, подумать, что я преувеличиваю; но представьте себѣ, что, среди этой полторы тысячи навьюченныхъ животныхъ, сломается что-нибудь и оборвется, по крайней мѣрѣ у сотни; да покрайней мѣрѣ, двадцать скатятся внизъ на большую или меньшую глубину, и за ними придется лезть и навьючивать ихъ снова; да еще, по крайней мѣрѣ, двадцать притомятся и не идутъ дальше; и во всѣхъ этихъ случаяхъ, изъ за одного задерживаются часто сотни:—если сообразить все это, дѣло становится совершенно понятнымъ.

Сегодняшній переходъ былъ у насъ очень короткій: уже къ полдню мы добрались до ночлега. Передъ нами была опять такая же, какъ и вчера, широкая плоская возвышенность, покрытая зеленой травой; корму лошадямъ было вдоволь. Намъ пришлось сегодня обходиться безъ палатокъ, потому что маленькій лагерь, пріотившій насъ вчера, остался на мѣстѣ; и поэтому мы расположились подъ открытымъ небомъ. Я велѣлъ разбить свою походную постель: принесли мои пожитки,—два ящика, висѣвшіе днемъ черезъ сѣдло моей вьючной лошади; ихъ поставили въ нѣкоторомъ разстояніи и за нихъ зацѣпили два кола съ натянутой парусиной; составилось, такимъ образомъ, что-то въ родѣ постели, которую никому не рекомендую: трудно изобрѣсти еще что нибудь болѣе неудобное; гораздо лучше запасться желѣзной складной кроватью.

Вечеръ былъ теплый и тихій; со всѣхъ сторонъ строго и величественно смотрѣли на насъ цѣпи горъ. Солдаты сидѣли на корточкахъ передъ сторожевымъ костромъ и тихо разговаривали, другіе уже крѣпко спали; дальше на росистой полянѣ стояли и лежали вьючныя животныя; пристально всмотрѣвшись въ неясный лунный свѣтъ, можно было различить часовыхъ, неподвижно стоявшихъ на мѣстѣ, или ходившихъ взадъ и впередъ.

И наше маленькое общество сидѣло тоже вокругъ пылаваго огня; пили чай, курили, болтали. Благодаря радужію, съ какимъ меня приняли, я уже до того свыкся со всѣми, сидѣлъ теперь точно среди своихъ старыхъ друзей. Рассказывали о прежнихъ походахъ, затѣмъ нашелъ на Гофена опять его припадокъ страсти къ итальянскому языку, и онъ плакался на „monti terribili“, а Бэгъ-да-Бэгъ подливалъ намъ въ чай своей великолѣпной „eau de la vie“,

какъ онъ называлъ ее. Тихонько и незамѣтно подкралась усталость, мы плотнѣе завернулись въ бурки, время отъ времени перекидывались еще словами, потомъ на вопросы не слышно уже было отвѣтовъ и наконецъ все смолкло. Я только что забылся первымъ сномъ между своими ящиками; было, должно быть, около полуночи, когда я проснулся отъ раската грома; закричалъ дождь; молнія сверкала за молніей, ударъ гремѣлъ за ударомъ; затѣмъ ухнулъ ливень, какъ изъ ведра, и наконецъ заколотилъ градъ; но подъ хорошей, толстой буркой подсмѣиваешься только и лежишь себѣ, какъ ни въ чемъ ни бывало.

Я успѣлъ давно опять заснуть, но въ три часа меня разбудилъ Габева, дотронувшись до моего плеча: „поѣдемъ“, сказалъ онъ. Было еще темно и звѣзды опять блестяли на небѣ, съ горъ пахло свѣжимъ вѣтеркомъ. Я подошелъ къ своему коню и погладилъ его: онъ былъ холоднѣе, какъ ледъ, и дрожалъ всемъ тѣломъ; съ первыхъ шаговъ я замѣтилъ, что онъ еще и хромаетъ. „Вотъ тебѣ и на!“ подумалъ я и повелъ его за собою подъ уздцы. Безмолвно двигались мы впередъ по мокрой травѣ; тамъ и сямъ вспыхивалъ и трещалъ еще бивуачный огонь, передъ которымъ солдаты аррьеръ-гарда сушили свои шинели или варили себѣ завтракъ.

О мукахъ и лишенияхъ простаго солдата никто, навѣрное, не можетъ составить и понятія; но кому пришлось *сломать* такой походъ вмѣстѣ съ нимъ, кто видѣлъ собственными глазами съ какой несокрушимой бодростью, даже веселостью переноситъ онъ все, тотъ пойметъ все это мужество и не откажетъ ему въ самомъ глубокомъ уваженіи. Солдатъ постоянно въ работѣ и, если выдается когда-нибудь дѣйствительно свободная минутка, онъ идетъ къ товарищамъ, смотришь—составился маленькій кружокъ и поютъ себѣ, подыгрывая на бубнѣ и барабанѣ.

Однако вернусь къ походу. Впереди у насъ шла грузинская милиція, дикій, храбрый народъ, прекрасные и надежные союзники, какъ сосѣди хищныхъ лезгинцевъ, они, съ незапамятныхъ временъ, враждуютъ и воюютъ съ ними. Грузины носятъ обыкновенно красную или голубую рубашку, которая отчасти расходится на груди; поверхъ ея короткій кафтанъ съ очень узкими рукавами; онъ бываетъ разнаго цвѣта; подпоясываются они ремнемъ, усѣяннмъ металлическими украшениями, къ которому привѣшивается длинный кинжалъ. На груди перекрещиваются патронташъ и пороховница. Потомъ слѣдуетъ длинная верхняя одежда, обыкновенно съ висюльми, разнѣнными рукавами, иногда бываетъ и съ короткими, плотно обхватывающими руку; такая одежда называется чуха. Широкіе штаны собираются подъ колѣномъ, голени и икры одѣты въ черныя гамашы, на ногахъ же они носятъ сандалии и желѣзные пины для лазанья по горамъ. Голова прикрыта войлочной, или мѣховою шапкой, изъ подъ которой спускаются на лобъ пряди длинныхъ черныхъ волосъ. Это придаетъ имъ нѣсколько дикій, свирѣпый видъ. За спиною, въ мѣшкѣ они таскаютъ всѣ свои пожитки: порохъ, кое какую посуду и другія вещи первой необходимости; ко всему этому нужно еще прибавить: бурку, саблю, одинъ или пару пистолетовъ и длинную винтовку, обернутую войлокомъ, или мѣхомъ шакала. Въ дурную погоду они надѣваютъ еще на голову башлыкъ, какъ и всѣ горцы вообще; длинные концы его обматываются, по желанію, вокругъ шеи, или головы или завязываются на груди.

Часовъ пять уже спускались мы теперь по крутымъ голымъ скатамъ и, казалось, конца имъ не будетъ; въ ущельѣ шумѣлъ чистый горный потокъ, и тотчасъ же по ту сторону дорога взвивалась опять вверхъ и шла за тѣмъ въ полгоры вдоль скалистыхъ стѣнъ; вверху, надъ дорогой, росъ густой кустарникъ и сосновый лѣсъ.

При спускѣ начальникъ Габева часто останавливался съ нѣсколькими туземцами, которые вели насъ; они зорко всматривались

въ противоположныя высоты, заглядывали въ каждую расщелину, въ каждую рытвину, обшаривали кусты, нѣтъ ли слѣдовъ засады; потому что тамъ можно было ожидать нападенія: мѣсто было ужь слишкомъ благоприятное. Но ни гдѣ не замѣчалось ничего подозрительнаго.

Не робѣя, перебрались мы черезъ потокъ и взобрались по ту сторону. Слѣва, надъ нами, составляла цѣпь милиція, и карабкалась по скаламъ, съ трудомъ пробираясь черезъ кустарникъ. Справа, подъ нами, шумѣлъ черный потокъ, черезъ который мы только что перешли; и въ немъ тамъ и сямъ валялись мертвыя лошади, скатившіяся съ горъ за нѣсколько дней и недѣль; одна, еще живая, но съ перемленной ногой, тоже стояла въ водѣ, держа къверху больную ногу; несчастная ужасно исхудала и держалась еще кое-какъ, пробавляясь только травой, росшей у самого берега; мнѣ сказали, что она уже цѣлую недѣлю стоитъ тамъ внизу.

Изъ укрѣпленія Зацъ-Хенисъ съ нами выѣхалъ еще одинъ артиллерійскій полковникъ, по фамилиі Бремеръ, если не ошибаюсь, курляндскій уроженецъ. Мнѣ пришлось ѣхать за нимъ. „Ну, такъ какъ-же?“ обратился онъ ко мнѣ въ полуоборотъ, „въ чемъ, собственно была исторія съ Лолой Монтецъ? Мюнхенцы, кажется, порядкомъ осрамились съ нею, а?“ — „Да вотъ, полковникъ, въ чемъ, — собственно была исторія: Лола....“

Выстрѣлъ вдругъ прокатился надъ нами и кррррррр отдало эхо разъ десять; затѣмъ протрещало еще нѣсколько выстрѣловъ, быстро одинъ за другимъ, и потомъ все смолкло. Солдаты остановились и приготовились стрѣлять; одни смѣялись, другіе крестились по обыкновению: русскій человѣкъ за всякое дѣло принимается благословясь. — Я замѣтилъ потомъ, что и генералъ Вревскій, каждое утро садясь на лошадь, бывало всегда перекрестится. Подполковникъ Габеевъ пробрался кое-какъ по узкой дорогѣ мимо солдатъ и сталъ во главѣ отряда.

— „Теперь пойдетъ потѣха!“ замѣтилъ Бремеръ, но на этотъ разъ онъ ошибся. Наша милиція, карабкавшаяся во всѣ стороны, спугнула дикую свинью и вздумала стрѣлять по ней; охота, однако, вышла неудачная. Мы всѣ просіяли, когда узнали въ чемъ дѣло: наша позиція была слишкомъ неудобная и намъ пришлось бы очень плохо.

Дорога стала теперь такъ узка и такъ покосилась въ одну сторону, что мы часто должны были останавливаться и ждать, пока саперы хоть сколько нибудь сравняютъ ее: иначе не было возможности провести лошадей.

Вѣднй Гофенъ! утромъ ты опоздалъ и не выѣхалъ съ авангардомъ; и ты, конечно, и не воображалъ, гдѣ тебѣ придется ночевать сегодня. На одномъ поворотѣ до того выдавалась впередъ огромная глыба скалы, что прекращалась всякая возможность пройти лошадамямъ съ вьюками, и наши саперы тоже ничего не могли съ нею подѣлать. Поэтому пришлось развьючивать каждое животное, переносить за уголь тюки, переводить потомъ лошадь и тамъ опять навьючивать ее. Какая остановка! Дальше, на выступѣхъ скалъ встрѣтилось нѣсколько шалашей съ сѣномъ, ихъ пришлось поджигать.

Послѣ полудня добрались мы до лагеря Вревскаго, или иначе до Вагенбурга, какъ его называли. Самъ Вревскій, налегкѣ, выступилъ опять противъ непріятеля, и оставилъ однѣ пустыя палатки съ небольшимъ прикрытіемъ.

Почему назвали этотъ лагерь Вагенбургомъ, для меня совершенно непонятно. Съ древнѣйшихъ временъ существовали лагеря, укрѣпленные повозками; тутъ-же не ло ничего подобнаго: во первыхъ, здѣсь не было проѣзжей дороги; во вторыхъ, ни единой повозки, — хоть-бы валялась какая тачка; въ третьихъ, не видно было ни женщинъ, ни дѣтей; въ четвертыхъ, ни одной собаки. На холмѣ, футовъ въ двѣсти вышиной, жались одна къ другой палатки; вся площадка была не больше ста шаговъ въ ширину и шаговъ четырехста въ длину; по одному склону дымилась еще развалины сожженныхъ саклей, кругомъ валялись мертвыя лошади и полуобгорѣ-

лыя коровы и распространяли заразительныя миазмы. Мѣсто было слишкомъ тѣсно для насъ всѣхъ. Новый лагерь образовался вокругъ холма: лошади и лошаки все прибывали, одни за другими; ихъ развьючивали; опять воздвигались горы мѣшковъ съ сухарями; и такъ все двигалось и копошилось до самой поздней ночи. На слѣдующій день, въ девять часовъ утра, дотянулись послѣдніе и, вмѣстѣ съ ними, Гофенъ. Ночь застигла бѣднягъ и имъ пришлось провести ее, стоя, сидя, ежась кое-какъ на узкой дорогѣ, описанной выше. Гофенъ ужасно негодовалъ на горы и выложилъ передо мною такой запасъ „Corpo di Dio!“ per Vacco! santa croce“ и „diavolo“ всѣхъ сортовъ, что я только подивился, откуда у него такія знанія.

Ожидая дальнѣйшихъ приказаній генерала Вревскаго, мы нѣсколько дней не трогались съ мѣста. Но 3 августа, утромъ, вдругъ раздался крикъ: „Вревскій ѣдетъ!“ Весь лагерь поднялся на ноги. Дѣйствительно, вскорѣ затѣмъ показалась изъ узкаго ущелья грузинская милиція, впереди шелъ ея знаменщикъ; потомъ слѣдовала регулярная пѣхота и раненные; самого-же генерала не было, а пришелъ только одинъ приказъ — явиться къ нему завтра въ аулъ Калаки съ палатками и провіантомъ; раненныхъ-же отправить въ укрѣпленіе Зацъ-Хенисъ.

Были жаркія схватки. Генералъ Вревскій проникъ въ область Анцухъ, до которой русскіе еще ни разу не добрались; напалъ на селенія и, не смотря на храбрый отпоръ, опустошилъ все. Послѣ его ухода, пылало 24 аула. Убитые были тотчасъ-же погребены на мѣстѣ, за исключеніемъ одного молодаго офицера генеральнаго штаба, по фамилиі Рубецъ, котораго привезли сюда завернутаго въ коврѣ; смерть его всѣхъ опечалила. Похоронить его хотѣли въ Россіи.

Стали прибывать раненные; тяжело раненныхъ несли на носилкахъ, а кто въ силахъ еще былъ держаться на лошади, ѣхалъ верхомъ. Всѣ были изурены до крайности и съ совершенно желтыми лицами. Кто-то вскрикнулъ благимъ матомъ: кого-то снимали съ лошади неосторожно и задѣли прострѣленную ногу; въ другомъ мѣстѣ опустили на землю носилки, — кто-то застоналъ и жалобно заохалъ; слышался внутренній дрожавшій плачъ человѣка, лица-же не было видно: вся голова была забинтована и вдоль и поперекъ, и все это заливалось кровью; что тамъ было подъ тряпками — страшно и подумать! Иные, едва ихъ клали, тутъ-же и умирали. Особенно поразилъ меня одинъ грузинскій офицеръ, красивый мужчина, съ большими черными глазами, у котораго грудь была прострѣлена на вылетъ. Его окружали друзья и съ минуты на минуту ждали смерти. Долго мнѣ помнился потомъ этотъ человѣкъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, мнѣ пришлось быть опять въ лезгинскихъ горахъ, и разъ на бивуагѣ я сидѣлъ передъ костромъ въ обществѣ грузинъ. Тутъ вспомнился онъ мнѣ опять и я сталъ имъ разсказывать о немъ. „Да, тогда мнѣ приходилось совсѣмъ плохо“, сказалъ вдругъ одинъ изъ нихъ, „князь Вачнадзе, это я самъ и былъ, и я очень хорошо васъ помню. У васъ черезъ плечо висѣла маленькая полотняная сумка, а на головѣ была бѣлая шапка. Года четыре передъ тѣмъ я попался лезгинцамъ. Два года держали они меня прикованнымъ въ ямѣ, подъ открытымъ небомъ, и когда меня наконецъ выкупили и здоровье мое поправилось, я опять пошелъ на нихъ и въ первомъ-же сраженіи мнѣ прострѣлили грудь. Но теперь я опять, слава Богу, свѣжъ и здоровъ; по временамъ только немножко харкаю кровью“.

На слѣдующее утро мы отправились на встрѣчу къ генералу Вревскому. День былъ чудесный; дорога, то поднималась въ гору, то шла вдоль берега рѣки, на которой мы вчера стояли. Часа черезъ четыре мы увидали высокіе столбы дыма и прошли мимо пылавшаго аула Гарбутль; залитый солнечнымъ блескомъ, онъ лежалъ передъ нами амфитеатромъ, примыкая къ высокимъ горамъ. Тамъ все кипѣло людьми: одни суетливо бѣгали между горѣвшими домами, сгоняли скотъ, или связывали въ большія вязанки скошенный хлѣбъ; другіе лежали, отдыхая; крикъ и шумъ

наполняли воздухъ; огонь трещалъ и со свистомъ лизалъ бревна; бѣлыми облаками взвивался къверху дымъ и только когда съ глухимъ стономъ рушились гдѣ-нибудь балки и стѣны, то подымался густой черный столбъ и тянулся высоко въ небо. — Черезъ часъ мы были въ аулѣ Калаки, гдѣ на сегодняшній день расположился Вревскій.

Рѣка, по которой мы нынче шли, раздѣляла селеніе на двѣ половины, соединенныя мостомъ. Мостъ этотъ, безъ перилъ, состоялъ изъ трехъ безконечно длинныхъ брусевъ, аляповато соединенныхъ тремя поперечными неуклюжими скобами; чтобы перешагнуть черезъ нихъ, нужно было высоко заносить ногу.

Куча людей сновала по немъ взадъ и впередъ, таская для бараковъ жерди и доски, оторванные отъ домовъ. Нашей колоннѣ тоже пришлось переправляться на ту сторону со всѣми вьюками; иногда лошади вдругъ упрямылись, останавливаясь на самой серединѣ моста, а если и шли, то не охотно перебирались черезъ торчащія скобы. Часто, когда съ одной стороны напирала слишкомъ густая толпа, встрѣчные должны были поворачивать назадъ. Ругались, кричали, толкались; одного солдата, съ огромнымъ котломъ въ рукѣ, спихнули и онъ шлепнулся въ воду; съ мосту внизъ было футовъ двадцать. Рѣка вся кипила лошадями и кулавшимися солдатами; высоко надъ нами, на крутой скалѣ, расположена была грузинская милиція и радостно привѣтствовала выстрѣлами нашу колонну съ провіантомъ. По обѣ стороны моста стояла страшная пыль; и люди, и животныя поднимали все новыя и новыя облака — столпотвореніе да и только!

Мнѣ указали домъ, гдѣ генералъ Вревскій въ настоящую минуту обѣдалъ со своими офицерами. Съ полнѣйшимъ презрѣніемъ къ смерти, и только по временамъ, украдкой, трусливо поглядывая на воду, пустился и я черезъ мостъ. Держа въ рукахъ рекомендательное письмо князя Барятинскаго, я вошелъ черезъ низкую дверцу въ какой-то сарай. Генералъ, мужчина средняго роста и съ совершенно военной наружностью, сидѣлъ на землѣ, вокругъ него офицеры. Онъ принялъ меня чрезвычайно вѣжливо и потомъ представилъ своей свитѣ.

Тутъ былъ одинъ полковникъ, князь Каргановъ, армянинъ по происхожденію, офицеръ всѣмъ извѣстный своей храбростью, о которомъ самъ князь Барятинскій, храбрецъ изъ храбрецовъ, говорилъ обыкновенно: „с'est Mars en personne“. Онъ былъ огромный, нѣсколько полный мужчина, съ отвагой въ лицѣ; вслѣдствіе нѣкоторыхъ ранъ онъ не могъ хорошо ходить и на подѣмахъ ему всегда помогали двое милиціонеровъ. — Возлѣ него сидѣлъ полковникъ Гарденеръ, начальникъ штаба, красивый молодой человѣкъ, съ большими голубыми глазами и длинными бакенбардами, высокій, крѣпкій, здоровый и свѣжій, въ эту минуту онъ, конечно, и не предчувствовалъ своей близкой смерти. Былъ тутъ еще докторъ Минкевичъ, превосходный врачъ, который впоследствии приютилъ меня въ своей палаткѣ на все время экспедиціи. Дальше сидѣли на корточкахъ четыре драгунскихъ офицера, адъютанты генерала, баронъ Врангль, графъ Козловъ, Штрандманъ и Шереметьевъ. Къ послѣднему у меня было рекомендательное письмо отъ Крузенштерна и мы съ нимъ вскорѣ очень сдружились; въ то время онъ былъ еще поручикомъ, а пять лѣтъ спустя, когда я съ нимъ прощался, онъ получилъ уже подполковника. У насъ его всѣ такъ любили, что не иначе называли, какъ Cher — aimé — tref; въ дѣлахъ онъ былъ удивительно храбръ, въ разговорѣ-же, слушая его, можно было подумать, что онъ не отважится заглянуть и въ темную комнату.

Не могу не вспомнить также о капитанѣ Бекманнѣ, прекрасномъ, веселомъ собесѣдникѣ, такъ-же какъ и о поручикахъ Вирюковѣ, Комаровѣ, Костомаровѣ и маіорѣ Бучкеевѣ; послѣдній, еще совсѣмъ молодой человѣкъ, командовалъ отрядомъ конной татарской милиціи, и былъ извѣстенъ всѣмъ своимъ роковымъ несчастіемъ: изъ каждаго, даже самого ничтожнаго дѣла, онъ возвращался непременно раненымъ и при томъ

всегда легко; онъ насчитывалъ уже семь ранъ. Былъ еще и другой офицеръ милиціи, родомъ армянинъ или татаринъ, который тоже служилъ товарищамъ постоянной мишенью для всякихъ злыхъ остротъ; особенно часто дразнили его единственной раной, которую онъ могъ предъявить, но которую, къ сожалѣнію, онъ никакъ не могъ хорошенько показать, вслѣдствіе ея неприличнаго мѣстоположенія; онъ очень неохотно говорилъ объ этомъ. Вслѣдствіи, когда я бродилъ по лагерю съ Шереметьевымъ, я познакомился еще со многими и, между прочимъ, съ полковникомъ Фрейгангомъ, нѣмцемъ по рожденію; онъ командовалъ Гонборскими стрѣлками. Во все время нашего знакомства онъ выказывалъ ко мнѣ большое расположеніе.

Простояли здѣсь еще и слѣдующій день; но 6-го утромъ зажгли всю деревню и пошли дальше: хотѣли занять новую позицію на высокой горѣ Тигану и дать тамъ хорошенько отдохнуть черезчуръ утомленнымъ войскамъ. Едва успѣли выйти послѣдніе солдаты изъ деревни, какъ выпалъ непріятель на горѣ, оставшейся у насъ въ тылу, и открылъ сильный огонь по нашему арріергарду; хорошо, что передъ нами былъ широкій откосъ и мы могли подыматься массами. Къ сожалѣнію, я не видалъ этой перестрѣлки, потому что насъ въ то время отдѣлялъ большой лѣсистый холмъ. Но недолго и длилась перепалка; все рѣже и все съ большими промежутками трещали выстрѣлы, скоро совершенно все стихло и по ту сторону слышалось только тяжелое сапѣніе и фырканье людей и животныхъ,

Офицеры и солдаты Гурійской дружины.

подымавшихся вверхъ. Теперь дорога становилась затруднительнѣе и утомительнѣе; правда, сегодня мы не тянулись гуськомъ, а ѣхали толпами, но намъ приходилось взбираться по сыпучей песчаной горѣ.

По новому приказу возвращались назадъ всѣ раненные и вагенбургцы, прибывшіе къ намъ вчера; они должны были спуститься въ укрѣпленіе, только послѣ занятія нами сегодняшней нашей позиціи: вѣроятно имѣлся въ виду новый ближайшій путь. Вчера утромъ, едва они выступили, показался вдругъ непріятель и открылъ сильный огонь; появился и отрядъ всадниковъ съ знаменщикомъ на бѣломъ конѣ, но они не отважились подступить ближе.

„Получишь десять рублей“, обратился одинъ молодой офицеръ къ одному изъ стрѣлковъ, „если попадешь въ знаменщика“. — Солдатъ долго прицѣливался — крахъ! и лошадь, и всадникъ, и знамя — все кубаремъ полетѣло съ горы и остановилось глубоко внизу. Лезгинецъ высвободился изъ подъ лошади и, ковыляя, вскоробкался опять къ товарищамъ; одинъ изъ нихъ посадилъ его къ себѣ сзади на коня и они ускакали.

Раненымъ пришлось сегодня много вытерпѣть, потому что крутизна дороги ужасно затрудняла ихъ переноску. Нельзя было позавидовать и носильщикамъ: не смотря на частыя смѣны, они просто изнемогали. Если случалось, что кто нибудь изъ нихъ оступался и падалъ, раздавались болѣзненные вопли и крики, или грубое ругательство, — смотря потому на сколько хватало силъ у раненаго.

ТИПЫ ГУРІЙЦЕВЪ.

Ориг. рис. М. О. Микѣшина.

Замѣчательный зонтикъ довелось мнѣ видѣть надъ носилками одного офицера: къ узловатой палкѣ привязано было крестъ на крестъ множество прутьевъ и на нихъ разстопыренъ обрывокъ, очень напоминавшій разодранную рубашку; но, думаю, что ни кто, изъ многого множества людей, не нашель тутъ ничего смѣшнаго.

Съ непривычки какъ-то жутко и страшно очутиться среди безконечной волны людей и животныхъ, которая подхватываетъ васъ и увлекаетъ съ собою впередъ: чувствуешь себя, да и по правдѣ становишься малымъ, беспомощнымъ ребенкомъ. Часто, только шагая то вправо, то влѣво, удается, и то съ большимъ трудомъ, спасти свои ноги отъ копытъ. Въ то же время, лице ваше почти упирается въ заднюю часть другой лошади, которая вдругъ должна остановиться, потому что впереди встрѣтилось какое нибудь препятствіе и вы получаете ударъ хвостомъ по лицу. Это ужасно больно, но озадаченно потирая себѣ одну щеку, вы съ ужасомъ замѣчаете дюйма на два отъ другой штыкъ сосѣдняго солдата. На первыхъ порахъ я жалѣлъ своего коня и мнѣ пришла въ голову несчастная мысль вести его въ поводу, и послѣ этого если бы, кажется, случилось мнѣ когда нибудь замучить его изъ пустой прихоти, я бы могъ сказать для собственнаго успокоенія, что теперь мы квиты.

На легкихъ склонахъ приходилось тащить лошадь за собою, на крутыхъ же подъемахъ она дѣлала быстрые скачки, и приходилось бѣжать впереди, или

Польши себѣ любве ни кто же имать, да кто душу свою положить за други свои.

Станиславъ Баранцевичъ,
погибшій въ послѣднюю сербско-турецкую войну.

съ боку, задыхаясь и обливаясь потомъ. Короче, я перевелъ духъ, когда наконецъ часа черезъ два одолѣли мы этотъ склонъ и влѣхали въ лѣсную прохладу. Тутъ дорога была уже не такъ крута. Миновавши область лѣсовъ, мы стали понижаться по крутымъ лугамъ и въ 5 часовъ вечера расположились лагеремъ на самой вершинѣ. Вершина же эта была чудовищно широкая площадка, съ которой виднѣлся во всѣ стороны цѣлый миръ другихъ горъ, крившихся гигантскими клубами тумана. Мы находились тутъ на высотѣ девяти тысячъ футовъ, было чувствительно холодно; ледяной вѣтеръ трепалъ длинную траву, начинало темнѣть, и почти всѣ палатки лежали еще свернутыми на землѣ. Дрожая, пустился я розыскивать доктора Минкевича, съ которымъ мнѣ приходилось жить. Но я совершенно потерялся на огромномъ лугу, среди тысячъ все прибывавшихъ солдатъ и взадъ и впередъ сновавшаго народа; попадались все незнакомыя лица. Мнѣ ужасно хотѣлось спросить, гдѣ бы отыскать генерала, но я никакими судьбами не могъ вспомнить, какъ сказать по русски „wo“.

Вчера вѣдь зналъ еще отлично. Ахъ, чертъ возьми, какъ это было?—*je—jo—ja...* нѣтъ не такъ: *dje,—dja,—dieg*—просто, бѣда; вдругъ до моего уха коснулись итальянскіе звуки и пріятель Гофенъ приподнял свою голову изъ травы, гдѣ онъ лежалъ на брюхѣ и распивалъ чай съ Ломновскимъ и Бэгъ-да-Бэгомъ.

„Amico Teodoro, venite qui e prendete una tazza“...

Русская граница на Кавказѣ. Мести, селеніе въ вольной Сванетіи.

„Милѣйшій полковникъ“, прервалъ я его, „скажите мнѣ лучше слово „wo“ по русски!“

„Ахъ, съ удовольствіемъ! „wo“ значитъ—гдѣ; но какъ это звучитъ не мелодично; то-ли дѣло—„dove“? вообще, ни одинъ вѣдь языкъ не звучитъ такъ, какъ итальянскій. Русскую оперу почти не возможно слушать: и, наоборотъ, какъ нѣжно поется итальянская любовная арія, и какъ увлекательно выходитъ арія мести!“

„А! вонъ докторъ Минкевичъ! подождите меня, докторъ, я сейчасъ иду, вмѣстѣ съ вами; спокойной ночи, пріятнаго сна!“ и я быстро зашагалъ съ докторомъ по высокой росистой травѣ, направляясь къ его палаткѣ. Издали же еще доносилось: „ah, suor di tigre, sterminatrice, un rio di sangue ti costerà, costerà, ti costerà a-a-a-a-a“.

Совсѣмъ уже стемнѣло; звездъ зажглись и трещали бивуачные огни; у нѣсколькихъ костровъ собрались въ кружокъ солдаты и пѣли. У каждой роты есть своя собственная музыка, т. е. обыкновенно, большой барабанъ, иногда бубень, и съ дюжину пѣсельниковъ. Сначала запѣвало пропеетъ нѣсколько стиховъ, гдѣ обыкновенно говорится о какомъ нибудь военномъ подвигѣ полка, и за тѣмъ весь хоръ повторяетъ эту строфу подъ аккомпаниментъ бубна и барабана; тутъ же прыгаетъ и выплясываетъ вокругъ какой нибудь артистъ изъ солдатъ, махая двумя шестидюймовыми палками, на которыхъ развѣваются пучки нарѣзанной бумаги, или гарусныя кисти. Какъ только смолкаетъ хоръ, перестаетъ и онъ плясать; потомъ затягиваетъ запѣвало вторую строфу и опять подхватываетъ хоръ, и такъ, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, тянется все также однообразная мелодія.

И текстъ и музыка сочиняются всегда самими солдатами. Каждый Божій день, и утромъ и вечеромъ, какъ только соберутся у огня,—затянуть пѣсню, не смотря ни на какую усталость: вѣдь это единственное ихъ удовольствіе и отдыхъ. Сначала мнѣ ужасно надоѣдала эта забава, но потомъ я такъ привыкъ къ ней, что не обращалъ уже на нее никакого вниманія. И ни одному офицеру никогда и въ голову не придетъ помѣшать имъ. Разъ только, когда я сидѣлъ съ нѣсколькими знакомыми вокругъ огня, а у нихъ, въ продолженіи пѣльхъ двухъ часовъ, шла пѣсня съ постояннымъ припѣвомъ: „барыня, барыня, сударыня, барыня“, которую они постоянно начинали съ новымъ оживленіемъ и увлеченіемъ, — одинъ изъ офицеровъ послалъ къ нимъ попросить ихъ, ради Бога, начать что нибудь новое, что и было тотчасъ исполнено.

Послѣ двухъ ночей, проведенныхъ подъ открытымъ небомъ, я спалъ сегодня опять въ палаткѣ. Когда обживешься не много въ такомъ полотняномъ домикѣ, то ужасно потомъ привыкаешь къ своей незатѣйливой комнаткѣ. Обыкновенно въ ней помѣщаются двое; на право и на лѣво стоятъ походныя кровати, а между ними, въ концѣ узкаго свободнаго прохода, ставится небольшой сосновый столикъ, который складывается на подобіе нашихъ, художническихъ стульевъ. Въ палаткѣ по сосѣдству живетъ прислуга, солдаты, казаки, или свой собственный лакей, смотря по средствамъ.

Мой теперешній сожитель, милѣйшій докторъ, очень удивилъ меня своей манерой ложиться спать: онъ заставлялъ слугу пеленать себя, какъ малаго ребенка, такъ что не въ состояніи былъ двинуть ни однимъ членомъ; потомъ издавалъ нѣсколько звуковъ, не то отъ удовольствія, не то дрожа отъ холода и затѣмъ засыпалъ до слѣдующаго утра. Его желѣзная походная кровать была, конечно, длинна и удобна, между тѣмъ какъ я по получасу томился въ своемъ несчастномъ парусинномъ корытѣ, висѣвшемъ между двумя ящиками; томился, стараясь выбрать болѣе сносное положеніе.

„Что вы дѣлаете, докторъ?“ спросилъ я разъ, „вдругъ случится ночью внозашное нападеніе и придется взяться за оружіе, а вѣдь вамъ и вылѣзти нельзя изъ вашихъ пеленокъ!“ — „Тог-

да я притворюсь мертвымъ“, отвѣчалъ онъ, смѣясь.

Одинъ изъ моихъ казаковъ отправлялся назадъ, вмѣстѣ съ колонной, выступавшей завтра утромъ, и по этому я выпросилъ себѣ у полковника Гарденера двухъ солдатъ. Одного изъ нихъ звали Валувъ и ему поручено было верховное правленіе надъ моими конюшными, съ двумя лошадьми; другой, по имени Макаровъ, былъ произведенъ въ камердинеры.)

О, Макаровъ! долговязый, сухой какъ щепка, добрый, услужливый малый, съ широкими губами и вздернутымъ носомъ; никогда не забуду я тебя, какъ бывало, ты каждое утро въ ожиданіи моего пробужденія, простаивалъ передъ моей палаткой, дрожа отъ холода, натянувши свою длинную шинель выше оттопыренныхъ ушей и поминутно сморкаясь въ кулакъ! Не смотря на величайшія обоюдныя затрудненія въ языкѣ, мы все таки отлично понимали другъ друга; и когда я, наконецъ, черезъ нѣсколько недѣль, выучился немножко больше по русски, то дѣло дошло даже до того, что и онъ, изъ добраго желанія быть болѣе понятнымъ, сталъ на мой ладъ коверкать русскій языкъ. Неудивительно по этому, что при такой дружеской предупредительности, я никогда не выучился правильному произношенію и склоненію хоть бы одного слова.

Въ двѣнадцать часовъ генералъ обѣдалъ; для этого предназначалась особая палатка. Не было ни стола, ни стульевъ; коверъ, разостланный на полу, замѣнялъ скатерть. Въ верхнемъ концѣ садился на полъ генералъ, возлѣ него Минкевичъ и полковникъ Гарденеръ, остальные размѣщались пестрымъ кружкомъ. Такъ какъ, сидя съ поджатыми ногами, было очень неудобно ѣсть съ тарелки, стоявшей на землѣ, то многіе ложились на брюхо; но помѣщеніе было слишкомъ мало и по этому ноги лежащихъ высывались изъ подъ палатки и торчали на полномъ просторѣ; — снаружи видъ восхитительный.

За столомъ бывало обыкновенно очень весело; обѣды и ужины вносили очень пріятное разнообразіе въ нашу бездѣятельную жизнь, да еще при холодной, туманной, дождливой погодѣ. Разъ, когда я вошелъ и собирался уже прилечь къ столу, меня поразило глубокое молчаніе общества; но едва я взглянулъ на противоположную стѣну, какъ все покатилося со смѣху, потому что тамъ висѣла превосходная карикатура на мою персону; удружилъ мнѣ пріятель Гофенъ. Но на слѣдующій день я блистательно отомстилъ за себя.

Иногда товарищи перелистывали мой рабочій альбомъ. Мезавъ прочимъ, недѣли за четыре, бывши въ Севастополѣ, я зачертилъ тамъ деревянный крестъ съ надписью:

„Unis pour la victoire, réunis par la mort,
Du soldat c'est la gloire, des braves c'est le sort.“

Это былъ любимый рисунокъ Гарденера, собственно изъ за стиховъ. „Прекрасно сказано“, говаривалъ онъ обыкновенно, „превосходно!“ въ этихъ двухъ строчкахъ лежитъ столько поэзіи и глубокаго смысла.“

„Oui“, замѣчалъ Бэгъ-да-Бэгъ, „il y a très joli cette vers, très joli; pauvres soldats mortifiés!“

Умеръ одинъ солдатикъ и я присутствовалъ на его похоронахъ. Носилки были выплетены очень искусно изъ вѣтвей и убраны зеленою березы. Четверо изъ товарищей подняли ихъ на плечи; впереди шли два горниста, рожки ихъ издавали такіе печальные, монотонные, повторяющіеся звуки, что трудно было бы и придумать что-нибудь болѣе надрывающее душу. За носилками шелъ полковой священникъ, нѣсколько офицеровъ и человекъ двѣнадцать солдатъ, которые сдѣлали троекратный залпъ въ честь покойнаго товарища. И вотъ высоко, среди тумановъ и непогоды, улегся горемыка, жизнь котораго, и безъ того, состояла только изъ трудовъ и лишеній, улегся всѣми на вѣки забытый. Уйдемъ мы, и въ двадцать лѣтъ не заглянетъ сюда ни одна живая душа. Одного только посѣщенія можетъ онъ ожидать: если, неравно, какой-нибудь лезгинецъ, притаившись

гдѣ по близости на высотѣ, подглядѣлъ наши похороны, спустится ночью, отрѣжетъ мертвену голову и руку и приберетъ эти трофеи къ стѣнѣ своего дома.

8-го утромъ, не смотря на самые бдительные караулы, нашли убитымъ среди лагеря одного изъ нашихъ татарскихъ погонщиковъ; голова и правая рука были отрѣзаны и взяты убійцей съ собою, по обычаю лезгинцевъ.

— „Ну, докторъ“, сказала я своему сожителю, „что же, вы все еще будете пеленаться на ночь?“

— „Да“, отвѣчалъ онъ, „только пожалуй немножко слабѣ“.

11-го получили мы извѣстіе, что непріятель сильно укрѣпился неподалеку отъ насъ; и на слѣдующій день былъ посланъ полковникъ Каргановъ на рекогносцировку. Я испросилъ у генерала дозволеніе отправиться вмѣстѣ съ отрядомъ. Прокарабкавшись долго, то вверхъ, то внизъ, по голымъ горамъ, мы увидели, дѣйствительно, глубоко подъ нами укрѣпленіе на крайнемъ концѣ остраго скалистаго хребта. Справа край горы подымался крутыми луговыми откосами, пересѣкавшимися небольшими скалами, на лѣво склоны шли болѣе покато, но были покрыты лѣсомъ. Непріятель все таки, на нѣкоторое разстояніе, вырубилъ деревья и устроилъ изъ нихъ баррикады, которыя пришлось-бы брать голько шагъ за шагомъ, съ большимъ урономъ. По срединѣ-же хребта, точно сидя на немъ верхомъ, возвышалось само укрѣпленіе, которое, по словамъ знатоковъ было сооружено превосходно. На высокомъ каменномъ цоколѣ шли туры въ два ряда, одинъ надъ другимъ; а съ правой руки, внѣ укрѣпленія, на небольшомъ выступѣ, лежали груды толстыхъ бревенъ, которыя, во время штурма, конечно, полетѣли бы внизъ на осаждающихъ. За шанцами гора спускалась, повидимому, совершенно отвѣсной стѣной. Внутри окоповъ все двигалось и копошилось, какъ въ муравейникѣ. Солнце блестяло и искрилось на оружіи; множество бѣлыхъ и красныхъ знаменъ развѣвалось съ бруствера, но нигдѣ не видно было пушечныхъ амбразуръ. Люди все ползли и ползли вверхъ по горѣ и исчезали въ отверстіе, сдѣланное подъ турами; вся же долина внизу кишела всадниками и еще многое множество спускалось ихъ съ окрестныхъ горъ.

Особенное ощущеніе охватываетъ, я полагаю, каждого человека, очутившагося въ первый разъ передъ врагомъ: чувствуется какой-то радостный трепетъ и положительно захватываетъ духъ, но не смотря на это, всякій приличный новичекъ, какъ ни въ чемъ не бывало, закуриваетъ сигару, показывая этимъ ужасное хладнокровіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прислушивается во всѣ стороны, что скажутъ другіе, чтобы, по возможности, попасть въ тонъ, приличествующій такому случаю.

Чтобы пробраться съ нашего мѣста до уступа, лежавшаго подъ нами, нужно было спуститься по крутому лугу и пройти небольшой лѣсъ. Полковникъ Каргановъ ясно видѣлъ, что сегодня съ ничтожными силами нечего и трогать позицію; но отправилъ, кажется, по просьбѣ молодыхъ офицеровъ, роту стрѣлковъ, чтобы измѣрить разстояніе до шанцевъ, которое мы опредѣляли приблизительно на 1200 шаговъ; мнѣ сказали, что наши ружья бьютъ довольно вѣрно шаговъ на тысячу. Откомандированъ былъ отрядъ грузинской милиціи и съ нимъ поручикъ Костомаровъ, Шереметьевъ и я.

Весело сбѣжали мы съ холма и вошли въ лѣсъ, осторожно вематриваясь въ каждое дерево.

Мы не прошли всего лѣса, потому что онъ вдругъ повертывалъ внизъ, между небольшими скалами; сквозь послѣднія деревья виднѣлись опять укрѣпленія, повидимому, мы подошли уже на разстояніе выстрѣла.

Прекрасныя зеленныя лужайки манили здѣсь присѣсть; между ними кругомъ лежали глыбы скалы, за которыми можно было удобно расположиться стрѣлкамъ. Непріятель тотчасъ же замѣтилъ наше приближеніе, крикъ и шумъ доносился до насъ.

Тут началась сцена, живо напоминая мнѣ героев Гомера, которые передъ боемъ осыпаютъ другъ друга бранью. Такъ и наши грузины: одинъ черномазый молодецъ съ воловѣй выей, стоя на обломѣ скалы, кричалъ зычнымъ, далеко разносившимся голосомъ, — точно Ахиллесъ въ войско Траянъ. Сколько хвастливаго задора было въ немъ; стоявшіе сзади него замахали руками въ знакъ молчанія и стали прислушиваться къ отвѣту. И онъ не заставилъ себя долго ждать: до насъ донеслись громкіе, пронзительные звуки, отъ которыхъ наша милиція захохотала во все горло.

Теперь выступилъ другой и началъ кричать такъ, что у него налились кровью жилы на лбу; чаще всего слышались слова: Бакракъ-Али и Анцросъ. Затѣмъ опять пришелъ отвѣтъ, вызвавшій безконечный хохотъ.

„Что они говорятъ?“ спросилъ я Шереметьева, „и что значитъ постоянно повторяющіеся Бакракъ-Али и Анцросъ?“

„Бакракъ-Али“, отвѣчалъ Шереметьевъ, „стоитъ противъ насъ; это знаменитый лезгинскій наибъ или начальникъ области Анцросъ; онъ издѣвается надъ нашей милиціей. Противники, какъ видно, очень ловко острятъ, по своему, потому что грузины такъ и заливаются смѣхомъ.“

Нѣсколько лѣтъ спустя, я лично познакомился съ Бакракъ-Али. Съ виду онъ былъ очень мрачный человѣкъ, огромнаго роста, неизмѣрно широкоплечій и съ поразительно низкимъ голосомъ. На мою просьбу, позволить срисовать его, онъ очень вѣжливо согласился, и потомъ приказалъ своему секретарю приложить къ рисунку его печать.

Между тѣмъ Костомаровъ и другіе офицеры, велѣли подать себѣ ружья и сдѣлали первые выстрѣлы. Вскорѣ весело, въ распынную, затрещали ружья, но невозможно было различить, даже въ зрительную трубку, попадають-ли наши пули. Время отъ времени и съ той стороны показывался небольшой бѣлый клубъ дыма, и долго спустя доносился глухой звукъ и больше ничего.

„Видимо, разстояніе насъ обманываетъ“, сказалъ Костомаровъ, „нужно подойти поближе.“

Мы спустились ниже и помѣстились почти у самого выхода изъ лѣса; редутъ уже замѣтно увеличился; выстрѣлы все таки еще не долетали: незамѣтно было никакого особеннаго движенія по ту сторону. Но вотъ! теперь пуля должно быть попала: головы торчавшія изъ за бруствера, задвигались безпокойно—вѣрно кому-нибудь досталось по шапкѣ!

„Можно еще подвинуться“, замѣтилъ Костомаровъ, обращаясь къ Шереметьеву, который лежалъ подъ деревомъ возлѣ меня, въ травѣ. „Право можно, и ничѣмъ не рискуя: ружья у нихъ, во всякомъ случаѣ, хуже нашихъ и когда мы будемъ ихъ бить навѣрняка, они все еще будутъ стрѣлять на воздухъ. Раненыхъ, конечно, не полагается—не то, какъ вернемся, забранить полковникъ.“

„Да, и прежде всего генералъ“, возразилъ Шереметьевъ, „merci!“

Поднялся опять на той сторонѣ бѣлый клубъ и, прежде чѣмъ мы разслышали ударъ, просвистѣла пуля между Шереметьевымъ и мною, оторвала кусокъ коры отъ дерева, подъ которымъ мы сидѣли, и врылась за нимъ въ землю.

Признаюсь, этой первой пулѣ я сдѣлалъ комплиментъ новобранца: низко поклонился въ траву.

„Врыть пулю“, засуетились потомъ; „можетъ быть еще можно найти ее; интересно знать какого она калибра; должно быть не маленькая, потому что больше гудѣла чѣмъ свистала.“

Не пришлось рыть глубоко; пуля ушла въ землю всего на какой нибудь футъ: она наткнулась на камень и совсѣмъ расплющилась.

„Это изъ крѣпостнаго ружья“, вскричали всѣ вмѣстѣ, „пуля большаго калибра, оттого такъ и гудѣла.“

На людей нашель какой-то азартъ: пошло щелканье за щелканьемъ. Въ тоже время было открыто вправо, подъ нами, нѣсколько лезгинцевъ, кравшихся между скалъ и деревьевъ. „А

ну, поддать добраго перцу этимъ бѣлымъ черкесскамъ!“

„О, чертъ! мимо! вонъ они повскакали всѣ и удираютъ, что есть мочи“.

Время отъ времени гудѣло опять крѣпостное ружье и угощало насъ бобами. Назвать ихъ синими бобами было бы неправильно; красными—будетъ вѣрнѣе, потому что, за недостаткомъ въ свинцѣ, лезгинцы стрѣляютъ, большей частью, мѣдными пулями. Но имъ не везло больше и всѣ ихъ выстрѣлы, очевидно, пронеслись высоко надъ нашими головами. Тутъ затрубили сверху сигналъ къ отступленію; еще прокатилось нѣсколько послѣднихъ выстрѣловъ, пронеслись насмѣшливые крики нашихъ грузинъ и мы исчезли между деревьевъ.

На возвратномъ пути я замѣтилъ, что съ нами былъ и полковой попъ; онъ лихо сидѣлъ на конѣ и тоже съ ружьемъ за спиною. Когда я выразилъ свое изумленіе по этому поводу, мнѣ рассказали, что у него очень воинственная натура и что часто въ сраженіяхъ онъ оказывается самымъ усерднымъ стрѣлкомъ; а братъ его, тоже полковой священникъ, желая отомстить лезгинцамъ за смерть своего родственника, помогалъ даже разъ собственноручно поджигать башню, въ которую заперлись осажденные, и всѣ они погибли въ пламени, благодаря его стараніямъ.

Вернувшись въ лагерь, я засталъ передъ нашей палаткой своего конюшаго Валюева, съ печальной миной; полковникъ Гарденеръ, какъ разъ проходившій въ это время мимо, перевелъ мнѣ неприятое извѣстіе, что моя вьючная лошадь, пасаясь, упала со скалы и переломила себѣ заднюю ногу.

„Валюевъ спрашиваетъ васъ“, добавилъ Гарденеръ, „будутъ ли ему за это палки?“

Но такъ какъ я ни мало не настаивалъ на этомъ, то лице бѣднаго Валюева замѣтно просвѣтлѣло и онъ цѣловалъ мнѣ руку; но тѣмъ не менѣе, въ послѣдствіи, замѣтно было, что я много потерялъ въ его мнѣніи.

Полковникъ Гарденеръ обѣщалъ мнѣ достать къ завтраму вьючную лошадь. На разсвѣтъ все уже поднялось; при всякомъ подобномъ выступленіи приходится наблюдать самыя разнообразныя сцены. Тутъ снимаются боковыя стѣнки палатки и остается одна только крыша на четырехъ колыяхъ, а офицеръ все еще спокойно лежитъ на своей желѣзной походной кровати и все еще никакъ не можетъ рѣшиться подняться, хотя наконецъ сносятъ у него и крышу. Тамъ разсѣлись двое офицеровъ на мѣшкахъ и ящикахъ, которые бы давно уже слѣдовало навьючить на лошадь, стоящую подлѣ, и нѣсколько солдатъ ожидаютъ почтительно—нетерпѣливо, когда-же „ихъ благородія“ кончатъ наконецъ свое чаепитіе. Дальше дѣлается свои сборы горная артиллерія: все по три лошади подъ каждую пушку.

На одну лошадь навьючиваютъ лафетъ и колеса, другая тащитъ самую пушку, третья два ящика съ боевыми снарядами. Тамъ внизу выстроилась уже длинными рядами пѣхота, дальше сидитъ на корточкахъ милиція, или выступаетъ уже, такъ какъ она постоянно идетъ впереди. Вьючныя лошади жмутся тамъ и сямъ отдѣльными кучками, между ними снуютъ погонщики—татары; таскаютъ палатки, вьюки и мѣшки; кричатъ, шумятъ и получаютъ тумаки и толчки отъ каждаго конвойнаго солдата, которымъ они никогда ни чѣмъ не могутъ угодить.

(Продолженіе будетъ).

Видъ сѣверо-западныхъ береговъ Англіи, съ карт. С. Рида (англійской школы).

Какой угрюмый и вмѣстѣ съ тѣмъ величественный видъ! Мрачно высятся громадныя прибрежныя скалы, а возлѣ нихъ, на необозримомъ, безпредѣльномъ пространствѣ привольно раскинулась Атлантика. Небо со всѣхъ сторонъ заволокло темно-сѣрыми, почти черными тучами. Внезапно поднялся и усилился вѣтеръ. Безпокойно заметались птицы—эти зловѣщіе предвѣстники бури. Гладкая, свѣтло-синяя равнина океана перестала быть зеркаломъ, она вдругъ гнѣвно насунилась, потемнѣла и наморщилась; повсюду—у береговъ и вдали, на горизонтѣ замелькали ослѣпительно сверкающіе гребни, показывая, гдѣ приподнялась и, пропумѣвъ и вспѣнившись, ушла волна. Время отъ времени огромная масса воды, со всего разбѣга метнувшись о скалы, съ шумомъ отскакиваетъ назадъ, взлетаетъ на воздухъ и тамъ разсыпается блестящими бѣлыми брызгами. Нигдѣ ни одной человѣческой фигуры, ни одного даже признака, намека на пребываніе человѣка не видно на этой безграничной равнинѣ, гдѣ отъ вѣка молча стоятъ только, какъ нѣмые стражи, эти дикія громады, обреченныя на шквалы и, бури на подавляющей мракъ и безмолвіе зимнихъ ночей. Этотъ мракъ нарушается лишь торжественнымъ мерцаніемъ звѣздъ, а безмолвіе все остальное время года замѣняется глухимъ ропотомъ Атлантики, тяжельми, гулко раздающимися вокругъ вилесками воды о берегъ, да рѣзкими, однообразными криками безчисленной стаи морскихъ птицъ, черными точками усявшихся скалы и камни.

Таковъ безотрадный колоритъ талантливой картины англичанина Рида. Но неужели у этихъ скалъ вѣчно злится и бушуетъ буря? Нѣтъ, скоро, вѣроятно, на темномъ, грозномъ небѣ произойдетъ веселая переменна. Покажется изъ за тучъ солнце. Быстро несущаяся теперь облака кой-гдѣ разорвутся, и въ щели, словно украдкою, ласково выглянетъ лазурное небо. Мягкій, приятный свѣтъ привѣтливо ляжетъ на сѣрыя скалы, онъ вдругъ точно всыхнуть пламенемъ, заблеститъ, покраснѣютъ. Зареве заката прокрадется на небо и мгновенно превратитъ тамъ черныя тучи въ массы золотого пара. Свѣтлый прозоръ на небѣ станетъ шире. Вѣтеръ, все еще сильный, безъ усталости погонитъ упрямые облака къ сѣверу, все дальше и дальше, и скоро совершенно очиститъ небо; мирно улягутся волны—и куда дѣлась буря!

Типы милиціонеровъ гурійской дружины. Рис. М. О. Микѣшина.

Гурійцы—одинъ народъ съ Грузинами, но подъ вліяніемъ Турокъ, они приняли много обычаевъ этого племени. Гуріецъ красивъ, строенъ, а живописный костюмъ его еще болѣе придаетъ ему красоты. Онъ положительный и степенный, набоженъ до фанатизма; хитеръ отъ природы, гордъ, отваженъ; при малѣйшей обидѣ вспыльчивъ и мстителенъ. Гурійцы славятся какъ отличные стрѣлки и ходоки, а ихъ любовь къ героическимъ обѣдамъ въ славѣ даже у Грузинъ—извѣстныхъ мастеровъ пошрывать.

Эти весьма вѣрно и живо переданные типы отважной гурійской дружины помимо своего постоянного художественнаго интереса въ настоящее время представляютъ еще особенный, чрезвычайный, въ виду той необыкновенной храбрости, какую дружина такъ блистательно выказала въ недавнихъ стычкахъ съ турецкими отрядами въ Малой Азіи. До сихъ поръ къ сожалѣнію нѣтъ еще никакихъ сколько нибудь подробныхъ и опредѣленныхъ извѣстій объ ихъ подвигахъ, а потому намъ пока приходится ограничиться только слѣдующимъ краткимъ указаніемъ на нихъ, какое мы находимъ въ телеграммѣ отъ 15 апрѣля:

Командующій войсками рѣнскаго отряда, генералъ-лейтенантъ Окложію, доноситъ, что 13 апрѣля, въ 6 час. веч., колонна генерала-маіора Денибекова, послѣ жаркаго боя, заняла оставленный турками барочный лагерь у Махстаніа. Регулярныя наши войска заслужили полную похвалу, но особенно отличилась гурійская дружина, показавшая чудеса храбрости во время стойкаго натиска.

Русская граница на Кавказѣ. Месты въ вольной Сванетіи.

Местійская община такъ называемыхъ вольныхъ Сванетовъ находится на нашей закавказской границѣ въ Кутаисской губерніи. Эта бѣдная живописно расположенная у самого подножья сѣдаго Эльборуса община, состоитъ всего изъ пяти небольшихъ селеній: Легнага, Сенока, Нанчала, Лагунаша и Лагана, которыя еще недавно, вѣроятно, кипѣли жителями, кипѣли жизнью по случаю мобилизаціи нашихъ войскъ, но вотъ войска перешли границу, и въ тихихъ селеніяхъ снова все вошло въ прежнюю колею, снова водворился обычный безмятежный покой.

ИЗЪ АЛЬБОМА Т. ГОРШЕЛЬТА.

НА ПОХОДЪ ВЪ ГОРАХЪ.

Кавказская сцена, съ рис. Т. Горшельта.